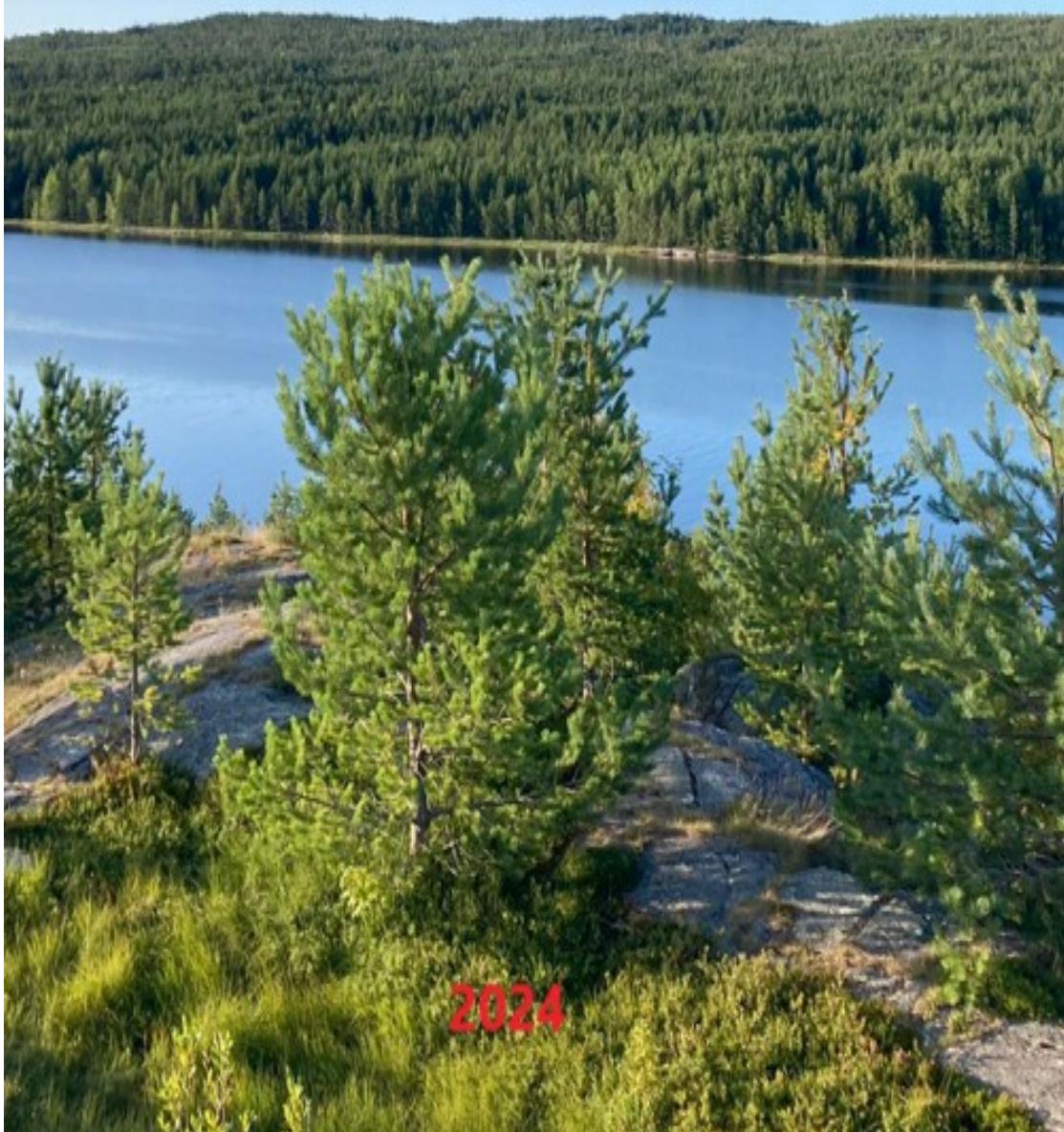

ОЛЕГ БУНДУР

ОСТРОВ ОЛЕНИЙ

ОСТРОВ ОЛЕНИЙ

О.Бундур

*Моим друзьям Анне и Андрею
Денисовым посвящаю*

ХОЧУ ДОМОЙ!

Вот думаю: где у меня дом? Не тот дом, в обычном понимании, с адресом, где мы живём, а внутренний, к которому душа прикипела, сердце приросло. Вот вроде этого:

ТАМ, ГДЕ МЫ РОДИЛИСЬ

ПриРОДа вокруг - это речка и лес,
И дятел, и лис, и простор до небес,
Где мы и растём год от года.
Всё это и будет приРОДа.

А РОДина - место, где мы РОДились,
Где речка и лес наш, и дятел, и лис
Живут и растут возле дома,
И РОДиной это зовём мы.

Конечно же, мамы РОДили всех нас
На РОДине, среди приРОДы,
Там, где встречаем мы все каждый раз
С друзьями своими восходы.

И если сказать: на приРОДе сейчас,
То это - при РОДине значит,
Где дом наш и мама, РОДившая нас,
Где путь наш в хорошее начат.

Родился я в городе Макеевка – Донбасс. Там дом мой родной. Но с девяти месяцев до школы я был в деревне у бабушки и первые воспоминания о родном доме – это бабушка, хата под сенью тополей и яблоневый сад рядом.

С первого по одиннадцатый класс я жил с мамой и отчимом в Макеевке. И это можно считать родным домом.

Однако после школы я поступил в ленинградский медицинский институт и шестнадцать лет учился и работал в Ленинграде. Получается, что там мой родной дом – работа, семья, ребёнок. Но не сложилось...

Однако переехал в Заполярье, в Кандалакшу и там у меня произошли самые важные, самые главные, самые значимые события в моей жизни. И в литературной тоже. И там леса, море, озера, рыбалка, ягоды-грибы, дача, в конце-концов. Сорок два года мы жили там.

А потом по настоянию сына вернулись в Ленинград-Петербург.

Ну и где мой дом родной, как вы думаете? По моим ощущениям - Кандалакша. Я даже книгу написал «Мой дом - Кандалакша». По ней школьники изучают историю Кандалакши.

И, когда вначале я указал «хочу домой», это не в деревню к бабушке. Кстати я туда поехал через двадцать восемь лет... Верно говорят: возвращение в прошлое – возвращение на пепелище.

Нет, внешне всё нормально: в деревне дома кирпичные, крытые шифером, а бабушки, другие, конечно, ходили, как и при мне в галошах на босу ногу.

Из моих пяти друзей того детства в живых остался только один – Вовка Ковтун. А на то время, когда я приехал – 1993 год, было нам всего по сорок шесть лет.

И первое, что сказал мне друг детства Вовка Ковтун, после двадцати девяти лет разлуки было:

- Дай полтинник.

В город Макеевка, где я учился, мне совсем не хочется. Родных у меня там никого нет, мой школьный друг живёт в Сибири, мы созваниваемся. Хотя однажды, когда я набрал в Интернете свой город и увидел на карте свой дом, что-то в сердце ёкнуло...

Дом наш стоит, и стоят дома наших соседей: Островских, Чеботаевых, Дудников, Подвойских. Но, кто живёт сейчас там, через пятьдесят девять лет? Бог весть.

Но заполярная Кандалакша! Она живёт во мне. И пара друзей – тоже. И многие хорошие приятели и добрые знакомые помнятся. А ещё моя дача, природа, море и весь тот мир, в котором я жил и работал сорок два года, большую часть моей жизни.

И мне хочется вернуться в то прекрасное время. Ну, хотя бы не в то, а в сегодняшнее.

Тот, кто не жил в Заполярье, не поверит, что полярную ночь с долгой и холодной зимой, со снегами, временами бесконечными, с коротким летом можно назвать прекрасным временем. А время было, действительно, прекрасным, потому что полярная ночь компенсировалась полярным днём, солнцеворотом.

А лето было таким ярким, таким богатым и насыщенным, таким объёмным, и так расцветает природа сочным иван-чаем, мягкими одуванчиками, белыми зонтиками кашки и жёлтыми чабреца, а озёра – лилиями, а леса багульником, а болота морошкой.

А как сорняки цветут! Даже лопухи выпускают фиолетовые луковки цветов! Вся природа долго ждала этого времени и теперь расцветает.

А какие бесконечные и разнообразные леса! Они всюду! Они обегают наши дачные участки, обтекают озёра. Когда-то деревья, дойдя до реки, останавливались на берегу, а потом каким-то образом перебирались на противоположный и устремлялись дальше. И река не сердилась на это. И все были довольны!

Ну вот, опять застрял на этих картинках природы. Я же писал обо всём этом в других книгах. Но невозможно обойти, перескочить, пропустить. Вот и останавливаюсь. И, наверное, ещё не раз остановлюсь – повод будет!

И вот странно: люди с Севера едут на юг, к Чёрному морю. А я на север, к студёному Белому. Там мой дом!

И какое счастье, что моя замечательная приятельница, а теперь и друг Анна Рудольфовна Денисова – заведующая Кандалакшской Центральной детской и юношеской библиотекой – пригласила как-то нас к себе:

- Приезжайте! У нас места много. Есть, где расположиться.

Разговор шёл о приезде в посёлок Лесозаводский. У них с мужем Андреем там и квартира, и дом, в котором мама Аннушки живёт. Я буду называть её Аннушкой – она одногодок моей дочери.

С Аннушкой мы познакомились давно, лет четырнадцать назад. Сначала заочно. А с её папой, Рудольфом Борисовичем Кокориным, я жил на острове Великий в Белом море, на Купчининском кордоне. Он работал там лесничим.

Это мы с Борисычем на Лобанихе. Июль 2012

А ещё раньше, Борисыч отвозил меня на катере на другой, на южный кордон острова Великий – на Лобаниху. А позже – на Чёрный кордон – тоже в Белом море.

Теперь, увы, Борисыча нет...

И я стал ждать этого момента, когда мы поедем туда – в посёлок Лесозаводский, что находится на острове Олений в Белом море. Это же рядом с Кандалакшой, считай, дома!

И я, живя в Петербурге, стал ждать отъезда, ждать заранее, ещё с конца зимы. Спал и видел, тем более, мне приходилось бывать в Лесозаводском и, в общих чертах, я представлял, что там.

ОЖИДАНИЕ

Настроение - ближе к нулю
И такие тревожные сны,
Ничего не хочу, не люблю -
Мне бы только дожить до весны.

Тучи серые низко плывут,
Задевая верхушку сосны,
В этих тучах метели живут...
Мне бы только дожить до весны.

Я, как зэк, ожидаю её,
Чтоб ударить, сорваться в бега,
Чтоб сменить и житьё, и бытьё
Но ещё не пускают снега.

Но очищаются хляби небес
И низринется луч золотой:
Вот он я, вот он дом наш и лес,
И любимая рядом со мной!

Я готов был и весной поехать, но всё-таки мы ждали конца июля – понятно, почему: грибы и ягоды в лесу, треска клюёт в это время.

Так вот, Анна Рудольфовна пригласила нас к себе. Это было здорово, но не совсем. Представьте: к вам поселились два человека, притом, на восемнадцать дней. Уютно будет вам, хозяину? Конечно, нет.

Во-первых, надо разместить и не как-нибудь, а с удобствами. Надо будет как-то заниматься с ними, вроде того, что развлекать. А еда? Как готовить? На всех? По очереди?

И нам было неловко, потому что своим присутствием мы нагружаем Аннушку и Андрея. А они были очень заняты. Андрей начал дом новый

строить. Сын – тоже Андрей с женой и сынишкой приехал помогать. Сын помогал, а Аннушка с внуком Данькой занималась, да ещё обеды на всех готовила. А тут мы ещё.

И я позвонил Аннушке и попросил её найти для нас в посёлке жильё, с оплатой. И Аннушка нашла нам замечательное жильё! Целый дом! И даже без оплаты. О лучшем и мечтать нельзя!

В ПОЕЗДЕ

С нашим проживанием была ясность, билеты мы заранее купили – 26.07. туда, 13.08. обратно.

И вот мы в вагоне двухэтажного поезда. Я люблю в поезде передвигаться. А самолёт – особая, торопливая история, но нам спешить некуда.

В поезде хорошо! Главное, чтобы соседи по купе попались нормальные, мягко говоря. Но это и от вас зависит. Тут что важно в отношениях с соседями: не быть навязчивым и корректно на вопросы отвечать, если задают. Но мне везло с соседями.

Но вообще-то в поездах всякое случалось. Было: еду, вдруг радио включается и слышу: «Если среди пассажиров есть врач, пройдите в...». Это меня. Бегу, кому-то помочь нужна. И с животами было, и перелом руки, шины из подручных материалов накладывал. И по моей основной специальности – психиатрия-наркология.

Но в последнее время, с тех пор, когда запретили алкоголь употреблять в вагонах, спокойно.

И ёщё. Лет пятнадцать-двадцать назад, а, может, больше проводники сами отапливали вагоны. В тамбуре был закуток, там стояла металлическая печка, уголь в ящике. И проводник шурует в печке, уголёк подкидывает, чтоб нам тепло было ехать. А в щели из окон ветер свищет, головой к проходу ложились.

И кипяток в титане дровишками грели. Это сейчас хорошо – электричество греет и кипятит.

Помню, еду как-то в Петербург, поздно, не спится мне. Пошёл за кипятком, а стакана, заварки нет. А проводница дремала. Пришлось разбудить. Она была недовольна, ворчала, но стакан дала и заварки налила. Я и пошёл на место, при свете ночника пил чаёк, под похрапывание соседей, и вот получилось:

ВКУСНЫЙ ЧАЙ

Вагон толкает и качает,
А я хочу ужасно чаю,
Чтоб из титана, чтоб из кранника,
Чтоб из стакана с подстаканником!
А мне ворчливо проводница:
- Ну и чего тебе не спится? –
И под её ворчание
Чай вкусней и чайнее!

Да, действительно, стаканы с подстаканниками – это фирменный знак нашей ж.д.! Я их помню с первой серёзной поездки в поезде в 1965 году.

Сейчас едем в двухэтажном вагоне, в уютном купе, а стаканы с подстаканниками едут с нами по-прежнему. И они придают своеобразный колорит путешествию. Однако и удобно же! Голой рукой кипяток в стакане не донесёшь, а с подстаканником – запросто!

Вот и сейчас попил классического чая, лежу на нижней полке, читаю. Смотрю: мимо открытой двери купе медленно проходит чёрный спаниель, знаете, такая собачка с густой шерстью, уши до полу, всегда ходит с грустными-грустными глазами.

Остановился спаниель у моего купе, посмотрел грустно на меня, потом на Алёну на соседнем месте, потом поднял голову на соседей сверху, хотел, видно, что-то сказать, но молча прошёл дальше. Наверно, спать в своё купе.

И я понял, что хотел сказать спаниель:

В ПОЕЗДЕ

Под вагонный стук колёс

Засыпая, думал пёс:

- Впечатление, как будто
Не купе – собачья будка,
Но будка лучше потому,
Что в ней живут по одному.

ДОРОГА

На станции Княжая встретили нас Аннушка с мужем Андреем. Андрея раньше я видел только однажды на торжественном открытии Морской набережной в Кандалакше.

Андрей – замечательный человек! И внешне красивый мужчина и внутренне. И чем больше я его узнавал, тем больше в этом убеждался.

И Аннушка красавица! И вместе они – замечательная пара! Приятно смотреть на них и находиться рядом, заряжаешься от них позитивом.

Встречали они нас на машине, проверенной и надёжной. У нас была большая коробка, большая сумка, рюкзаки – большой и маленький, и большой, как говорил Волк из мультика «Ну, погоди!», чумудан. Да в багажнике уже лежало что-то. Но разместились и тронулись.

Ехали через посёлок Зеленоборский и по пути остановились у «Магнита» и «Пятёрочки», чтобы купить продуктов – нам же почти три недели жить тут. Набрали четыре больших магнитовских пакета. Кое-как всунули в машину!

Аннушка и Андрей по пути рассказали нам, как и что у них тут. Аннушка до конца августа в отпуске, Андрей – на пенсии. У него льготная пенсия.

Андрей спросил коротко:

- Какие пожелания?
- Треска и грибы. – Коротко ответил я.
- Треска будет, но грибов нет. Жара стоит много дней, сушь в лесу, трещит под ногами.

Я расстроился из-за грибов, верней, из-за того, что их нет.

Ехать тридцать километров. Трасса тянулась между лесов, густых, живущих своей жизнью и мне уже захотелось нырнуть под их сень...

Машина движется легко
И трасса – под колёса,
Из магнитолы «Сулико»
Звучит многоголосо.

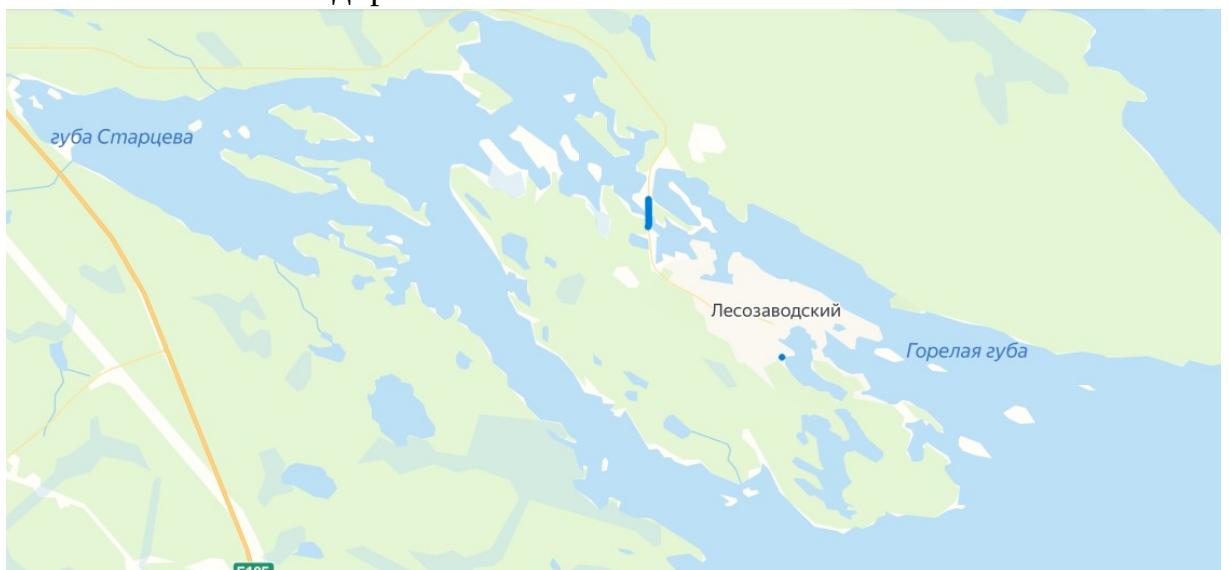
Уже последний поворот –
Плыём лесной дорогой,
Там незнакомый дом нас ждёт

Уснувшей недотрой,

Но недотрой – лишь пока
Его не прикоснётся
Жены хозяйствская рука –
И он тотчас проснётся!
С трассы повернули на широкую, хорошо накатанную просёлочную
дорогу – девять километров по указателю

Вот эта насыпанная дорога...

На карте остров Олений, насыпь, соединившая остров и материк - синей
чертой. А синяя точка – это наш дом у леса и у озера.

Приехали. Выгрузились.

Дом, в котором нам предстояло жить – огромный! Три больших спальни. Кухня с электропанелью, раковина с умывальником, здесь же дровяная печь, кухонный стол у окна, на столе «Электропот» - электрочайник, в котором вода постоянно горячая.

Ещё одна комната с дровяной печью – такой дом одной печью не нагреть. И стиральная машина, и душевая кабина тут. Но они работали при хозяине, но в душевой кабине сохранилась канализация – сток воды. И в умывальнике – тоже. И мы очень бережно пользовались этими стоками.

И огромная веранда! В центре стол, пара стульев, два кресла, диван. Широкие евроокна с просторными и удобными подоконниками. По левой стене – встроенные шкафы-кладовки, занятые вещами.

Книг – очень много! В двух спальнях письменные столы и стеллажи с учебной и художественной литературой – это комнаты двух сыновей. А третья спальня – родительская.

Кстати, в одной сыновьей спальне тренажёр мощный, а на веранде – перекладина. Ребята не чурались спорта!

И приятно удивило: на одном стеллаже две нижние полки плотно уставлены «Роман-газетами» - очень популярным изданием, с огромными, миллионными тиражами. И у меня кое-что сохранилось с тех славных времён. А удивило вот что: как хорошо почта работала! Даже сюда, в посёлок Лесозаводский исправно доставляла «Роман-газету».

Короче, сохранились все атрибуты и школьной, и взрослой жизни хозяев дома. Тут жили, работали, учились.

Сами хозяева Алёна и её муж в Кандалакше живут, там за городом и дача у них, потому сюда не ездят. Хотя здесь и грядки, и огород с картошкой.

А ещё есть красная смородина, с поспевающими ягодами, вырождающаяся, а чёрная смородина уже выродилась – одни ветки без ягод, малина выродившаяся: ягод много, но мелкие и порченные. Ну, так пятнадцать лет прошло с отъезда хозяев! А дом и в доме всё сохранилось отлично! Мастер строил!

Особо нужно сказать о воде. Вода привозная. Возле каждого дома сооружён помост, на котором выставлены крупногабаритные ёмкости: бочки на сто двадцать литров, бидоны, кастрюли.

Автоцистерна воду доставляет три раза в неделю: понедельник, среда, пятница. Воду в ёмкости наливают шлангом: один человек держит шланг, второй включает-выключает вентиль. Воду берут из колодца, что перед посёлком. Эту воду используют для всего: для готовки, уборки, личной гигиены, стирки. Для грядок собирают дождевую воду. И потому каждый

дом здесь, вернее, крыши домов имеют сливы. Вода по ним стекает в бочки. И вот этой водой и поливают.

Но сейчас дождей не было. Не знаю, как обходились люди. Возможно, и поливали хотя бы немнога огурчики и помидорчики в теплицах.

Скажу сразу: привозной воды хватает для всего. А для банных дней в течение недели экономят.

Каждый хозяин давно определился, сколько ему, в общем, надо воды и именно столько выставляет ёмкостей. Жители знают цену воды и напрасно не расходуют.

В течение дня автоцистерна делает три ходки с водой. Со временем мы приспособились ко всему этому. И, кстати, радовались теплу, жаре даже. И уже позже, как-то шёл посёлком и увидел мужчину и женщину, работающих в огороде. И вспомнил нашу дачу и жару подобную:

От июльской жары

Дохнут даже комары.

Мы с женою в огороде

Вроде живы,

Живы вроде...

Но это было, кажется, сто лет назад – аж в 2022 году...

ПОГОДА В ДОМЕ

Я как-то перескочил, за наше жильё зацепился сразу. А по ходу, мы сначала заехали к Аннушке и Андрею в дом, где жил раньше мой покойных друг Рудольф Борисыч, папа Аннушки.

Я слышал от него о его доме, но слышать одно, а увидеть – другое. Тем более, Андрей и Аннушка приложили руки, чтобы омолодить дом. Мы внутри не были, но снаружи он смотрелся очень современно. И крыша, и стены. Как сейчас говорят: просто класс!

По бокам дома две веранды: зимняя и летняя. Во дворе добротно сложенная из калиброванных брёвен баня, большой гараж. На новом участке готовый фундамент для будущего дома.

Кроме теплиц, картофеля, клубники очень много цветов. Особенно поразили георгины! Их цветы - диаметром двадцать-двадцать пять сантиметров!

Летняя веранда, цветы и две белые розы за перилами!

Угощала нас Аннушка котлетами из трески – пальчики оближешь. Я и облизал! Потом чай с плюшками, что Аннушка пекла. А выпечка моя слабость! Было очень стыдно, однако я умял три плюшки. Оторваться не мог.

Аннушка, Андрей и плюшки, что я не осилил.

А после ужина отправились в наш дом, о котором я уже рассказал.

Алёна от дома была в восторге. У неё в памяти осталась наша с нею робинзонада на кордоне Лобаниха на острове Великий. Там мы жили в

маленьком домике 2х4, еду готовили на железной печке на дворе. В домике печка была, но топить её летом – было бы невозможно спать от жары.

И с водой тоже был напряг. Воды вокруг – море Белое! Но питьевая – через залив в ручье. К счастью тогда три дня шёл дождь, и мы залили дождевую воду во все ёмкости, что нашли: тазы, кастрюли, канистры, бутылки. А в скальном берегу были три каменные ванны, доверху заполненные дождём. Мы их поделили: одна моя, вторая – Алёны, а из третьей брали воду для хознужд.

Воспоминания о Лобанихе у Алёны наложились на предстоящую жизнь: тоже остров, тоже в Белом море. Но действительность оказалась другой и Алёна обрадовалась.

А я здесь, в посёлке Лесозаводский, ранее бывал по врачебной работе. И, кстати, на остров Великий мы отсюда отправлялись, из заливчика, где хозяйство тогдашнего старшего лесничего Шестакова Сергея Павловича.

И вот Алёна всё рассмотрела. Всё и в доме, и с домом – отлично! Дом со многими удобствами. Правда одно удобство на дворе и это вызывало неудобства. Но Алёну сие не коснулось.

Приехали в двадцать один час. Осмотрелись, вынули свои пожитки. Алёна постелила постель. И – первая ночь.

А на следующий день после завтрака началась работа. Обязанности мы разделили. Алёна принялась за уборку. А у меня – День повара!

Пришлось потрудиться. Поскольку в нашем огромном холодильнике морозилка не работала, я разделил курицу на две части: половину в борщ, вторую – в подливку для макарон. И я справился. Алёна похвалаила, а я в отместку решил ей помочь:

Большая уборка:

Трясу половик –

Я к этому

С самого детства привык.

Алёна с улыбкой:

- Какой молодец!

Что надо мужчина:

И муж, и отец!

А потом принялась за полы. А с водой – напряжённо. Возле калитки на помосте две трёхведерные кастрюли неполные. И на печке тоже три, по восемь литров. Половина умывальника, половина электрочайника. Но это НЗ. А привезут только в понедельник в полдень, сегодня суббота. И я испугался, что воды не хватит. Но Алёну не остановить! Если она решила мыть полы, будет мыть полы, хоть камни с неба!

Аннушка присыпала видео тропы, что ведёт к озеру. Тропа буквально от дома. Но это дальнее озеро. А с веранды было видно другое озеро – по улице направо и через лес.

Пошли. Я взял канистру, две пятилитровые бутыли и Алёна две бутыли. Но оказалось надо через заросли метров сорок прорыться к озеру. Тут никто и не ходил из местных. Во всяком случае – последние сто лет. Ну, десять лет. Зашёл в воду в сапогах, что дал Андрей, по косточки. Сапоги сразу потекли. Но не выходить же! В канистру неудобно набирать, мелко, да и вода мутноватая. Однако, нацедил, набрал все ёмкости.

Этой воды на полы и на другие хозяйствственные нужды не хватило. Надо ещё идти.

Решили идти на другое озеро, по тропе, в надежде, что вода чистая и набирать удобнее. Тропа сразу за калиткой, налево и в лес. Идём, идём, проходим заросли малины без ягод, заросли крапивы молодой без метёлок, тут тень. А тропа всё дальше и дальше. А слева сквозь лес видно озеро. То же озеро. Свернули к нему. И тут заросли, даже в воде заросли. Я видел подобное по телеку, манговые заросли, кажется. Продрался в воду. И здесь было мелко, и вода такая же. Наполнил ёмкости. В сей раз я взял себе две канистры. Пошли назад.

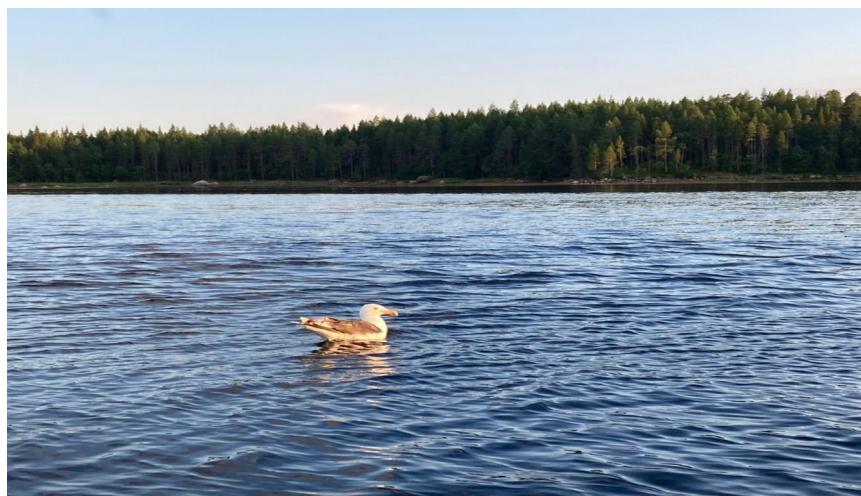
А отошли от дома по тропе уже на приличное расстояние, метров на двести. Тяжеловато. Да ещё вверх по тропе. Иду и думаю:

- Надо же, как нести тяжело! По два ведра воды на даче носил, нормально. А тут те же двадцать литров, но труднее. Да, возраст сказывается.

А дома разглядел, что канистры ёмкостью по пятнадцать литров. Ну, понятно, отчего тяжелее нести!

Короче, часам к четырём всё закончили! И погода на дворе отличная, и погоду в доме наладили! Всё блестит и сверкает, как и солнышко на дворе. Уф-ф-ф! Надо чайку испить, заслужили!

РЫБАЛКА

Сидим, пьём чай, отдыхаем. Дово-о-ольные! Такую работу проделали!
Вдруг в дверь звонит Андрей, заходит с двумя канистрами:

- Родниковая водичка!

Вот здорово! Теперь воды хватит.

Андрей приехал на «Ниве». Она была на ремонте – полетел задний левый амортизатор. Ремонтировал сын Андрея, тоже Андрей. Он работает машинистом на ж.д., и руки у него, как и у папы – золотые и по металлу, и по дереву.

От чая Андрей отказался и сказал:

- Времени в обрез. У вас какие планы?

- Да, в общем, никаких.

- А у нас резко изменились. Прогноз не смотрел? С завтрашнего дня, наконец, дожди на три-четыре дня. Я в восемь вечера иду за треской. В дождь на море плохо. Как смотришь?

Я и сейчас, и после удивлялся природной тактичности Андрея. Он мягко как бы спрашивал или предлагал:

- Не будете ли вы так любезны, согласитесь отправиться со мной на рыбалку в море за треской? И, если вы согласны, к двадцати часам будьте готовы. Я заеду.

Он мог бы попросту сказать:

- Так, значит. Иду за треской. К восьми часам будь готов. Заеду.

И всё! К чему там миндальничать: не хочешь, не надо! Но Андрей сказал, как сказал.

Я начал собираться на рыбалку.

Собирая свой рюкзак,

Размышлял себе я так:

- Повезёт сегодня с клёвом,

Значит, буду я с уловом.

Значит, буду я с удачей!

А жена – совсем иначе:

- Повезёт ему с уловом,

Я у раковины снова

Буду целый вечер

В чешуе по плечи!

Ой, хоть бы повезло! Бог с ней, с этой чешуёй. А Алёне нечего беспокоиться, я сам всегда с рыбой разбираюсь. Тем более, треска – не окунь, у неё нет чешуи. Хоть бы поймать! Давно свежую треску не вкушали.

Собираться мне особо нечего: сапоги да костюм камуфляжный.

В восемь вечера Андрей заехал. Потом на причал. Это был личный причал Андрея и его товарища. Вдвоём его соорудили, причём очень оригинальная

конструкция. Состоял он из пяти понтонов. Каждый понтон – из двух слоёв досок, между которыми заложены пустые, закрытые пробками пятилитровые бутыли. Не знаю, сколько бутылей в каждом понтоне: сорок? Пятьдесят? Понтоны соединены толстыми и широкими брезентовыми полосами. Очень удачно получилось: и в отлив можно отправиться на катере, он в воде, и в прилив по понтонам можно подойти к нему.

У причала – два катера. Катер Андрея новый, с новым японским мотором. Всё вместе стоит триста пятьдесят тысяч рублей. Это, в общем, автомобиль. Но катер и есть средство передвижения. Только по морю.

Подвесные японские моторы – замечательные! Они менее прожорливы, чем наши, но более мощные, более компактные, более лёгкие.

Кстати, у меня был катер «Прогресс» с мотором «Вихрь» и гаражом на берегу Кандалкшского залива, если спуститься по улице Горького вниз, к самому заливу.

С «Вихрем» обычно такая история: пока его заводишь, заведёшься сам, обращаешься за помощью... к фольклору! В принципе, ничего сложного: наматываешь шнур на барабан магнето, со всех сил дёргаешь, потом ещё раз, ещё раз и ещё дёргаешь, и, когда силы уже заканчиваются, морской бог Нептун снисходит и пропускает искру в камеру сгорания цилиндра и движок заводится.

Но это на берегу. А, если в море рыбачишь и нужно запустить мотор? На море волны, катер на волнах качается, да ещё больше от дёргания за шнур, катере относит волнами. Кошмар!

Короче, через год я эту тройку: катер, мотор, гараж продал.

А японский движок заводится кнопкой: нажал и поехали! Чудо! Кстати в авто японских тоже есть эта система – кнопка, а не замок зажигания с ключом, который можно потерять.

И вот мы в море. Погода – тишина и благодать. Ничего не предвещает завтрашних дождей. Море – зеркало. Однако при движении чувствуется прохлада, но ведь море, Белое, Студёное.

Мы почти полностью обогнули остров с севера и на южной стороне остановились под ЛЭП. Здесь Андрей сказал:

- Будем ловить сплавом по течению, пока прилив, а потом встанем на якорь.

Андрей дал мне снасть на треску. И у него такая же. Ничего сложного, даже банально: леска, в качестве груза пластина из нержавейки, тяжёленькая, тонет быстро, и крючок на вертлужке, чтобы не запутывал леску.

Червей-пескожилов накопал Андрей.

Пескожил живёт на мелких местах с песчаным дном. Он ползает в песке, подобно страшным существам из фильма «Дрожь земли». Они внешне и похожи на пескожилов, возможно с них и делали этих страшилиц.

Вот домики пескожилов.

Так вот, червь ползёт в песке, пропуская через себя песок, все органические остатки – водоросли, частички живых существ и прочее, это пескожил оставляет себе, а песок выбрасывает наверх в виде колбасок. Во время отлива на литорали видны эти конусовидные домики из колбасок, а рядом с ними в песке сидит пескожил. Вот их и выкапывают.

Говоря о пескожилах, я вспомнил ещё одного морского червя – нереиса, которого я видел на Лобанихе. Его иногда называют морским змеем, но он совершенно безобидный, хотя и приличных размеров мне встречались – сантиметров сорок. Нереис – красивый червь. Снизу он коричнево-жёлто-розовый, гладенький, блестящий!

По бокам у него масса шерстинок, как у сороконожки ножки. С помощью этих «лапок» нереис плавает.

В тридцатых-сороковых годах прошлого века нереисов, в основном, из Азовского моря (я читал, что из Белого тоже!) несколько сот тысяч особей переселили в Каспийское море для питания осетров. Нереисы прижились там, осётр пошёл в рост, уловы осетров увеличились.

И я думаю, если нереиса для Каспия брали и в Белом море, то часть улова осетров положена и беломорцам!

А в Азовском море я тоже копал в песке нереиса и ловил на него тараньку. Только там он был не длинный, всего четыре-пять сантиметров.

Ну, а тут мы треску на пескожила ловим. Дрейфуем по приливному течению метров на двести, потом возвращаемся. И снова, и снова. Наловили две трети ведра трески и наваги. Рыбки небольшие, что и хорошо для жарки.

Но наловили громко сказано! Ловил Андрей. А я всего три рыбки. И что интересно: сидим в катере рядом, снасти одинаковые, наживка одинаковая, но Андрей таскает одну за другой, а я - мимо.

Правда, один раз сижу, подёргиваю леску и вдруг почувствовал: не могу леску поднять, как будто за бревно зацепил крючком. Но чувствую в глубине тяжёлую живую дрожь.

А потом – раз! И всё, леска выскочила из воды, вытянул её – крючок пустой.

- Это большая трещища! – Сказал Андрей. – Кило на четыре.

- Ну, ничего себе, - подумал я. – Страшилище!

Бегу босиком я утром с рыбалки,
А вместо удилищ - под мышкою палки.
Попалась такая огромная рыба,
Не рыба, а просто какая-то глыба!

Ужасную морду со дна показала
И все мои лески тут же порвала,
Зубами стащила с меня сапоги
И рявкнула грозно: - А ну-ка беги! –

С рыбалки бегу я, лечу я стрелой,
Так быстро, что ветер деревья колышет,
А за спиной всё голос я слышу:
- Захочется рыбы, консервы открай!

Нетушки! Не консервы, мы завтра треску будем есть!

Эта большая треска – случайность. Но чем объяснить то, что я практически ничего не поймал, а Андрей на моих глазах, в метре от меня таскал рыбу? Он мне сказал:

- Ты не расстраивайся из-за рыбы. Такое бывает. Вот я с Анютой рыбачу, ей всегда крупная идёт, а я мелочь ловлю. И к тому же, - продолжал Андрей, - мне треска не нужна, у меня в морозилке есть запас. А эту забирай себе, тут как раз для жарки, не крупная рыбка.

Я, конечно, обрадовался. Мы давно слюнки пускали, представляя, как едим свежевыловленную тресочку.

В тридцати метрах от нас в большой резиновой лодке с мотором тоже сидели два рыбака. Они изредка выдёргивали рыбки и с завистью поглядывали на Андрея.

Междуд нашими лодками на воде сидела крупная чайка. Одним глазом она смотрела на нас, другим – на соседей в «резинке».

- Поужинать прилетела! – Сказал Андрей

Я не понял, что он имел в виду. А он вдруг выудил керчака. Беломорцы знают, что это за рыба. Для незнающих - керчак аналог черноморского или

азовского бычка, (от Керченского полуострова, Керчь - керчак), только крупнее и более страшный: голова и спина в колючках, плавники и хвост тоже торчат колючками. К нему не подступиться хищнику – той же треске. Потому часто он и пасётся рядом с треской.

Бычков я ловил и в Азовском, и в Чёрном морях. Кстати, в Чёрном море даже акул ловил. Катрановых. Так вот, мясо у бычков белое, вкусное, без костей.

А брать керчака наши беломорские рыбаки считают ниже своего достоинства. А напрасно. Когда я жил на Лобанихе, варил уху из керчаков. Треска почему-то вообще не ловилась. Очень вкусная и наваристая уха была!

Андрей снял керчака с крючка, постучал его головой о борт катера:

- Чтобы колючки поломать, - объяснил он. И бросил керчака чайке, сидевшей невдалеке.

Чайка схватил керчака и начала бить его о воду.

- Тоже колючки ломает, - снова просветил меня Андрей.

А чайка, поколотив керчака, подбросила в воздух, поймала его головой вниз и целиков проглотила. Как удав кролика! Ничего себе! Ведь голова керчака была шире её горла. Вот уж, действительно, глотка лужёная.

А после Андрей бросил ей небольшую навагу, чайка рассмотрела, что это не керчак, поймала и тут же закусила ею керчака! А потом подплыла ближе к нашим соседям: дескать, давайте, теперь ваша очередь. На фото выше это та самая чайка.

Да нам, в общем, и надо бы чайке мзду платить за то, что ловим в её море!

В ЧЕШУЕ ПО ПЛЕЧИ

Было половина одиннадцатого вечера, солнце висело над морем, было тепло. Наши соседи в «резинке» сидели вообще в футболках. Ну, слегка «подогретые».

Полярный день был на исходе, ещё немногого и здесь установится временное равновесие между днём и ночью. Начнутся обычные дни с закатами, обычные ночи со звёздами, огромными и, кажется, мохнатыми. Это от того, что там, в небесных высях, воздух как бы дрожит и размывает звёздный пейзаж.

А Большая Медведица, что с вечера появлялась над нашей дачей, к утру пропадала. И мой восьмилетний сын, однажды выскочивший утром из дома «до ветру», потом сказал, что Большая Медведица ушла туда, где темно и холодно.

А зимой, ночью, когда морозно и небо чистое, Большая Медведица всегда над нами, над городом.

Выйду из дома - снег по пояс,
За ночь двадцать промчалось выюг.

Вот рядом - Северный полюс,
Вот он рядом - Полярный круг.

У макушки земного шара
Я живу
уж который год,
И Медведица мне
Большая

Лапу запросто подаёт!

А тем временем мы уже шли к дому, подходили к причалу.

Я предполагал, что рыбу почистим здесь, в морской воде. Требуху чайки
быстро растащат. Но вдруг Андрею позвонили, и он сказал, что ему срочно
надо ехать.

Он довёз меня до дома, поставил на крылечко пластмассовый ящик с
треской и уехал.

Я затащил рыбу на веранду, обставил тазами, вёдрами. Сложность была,
собственно, не в самой чистке и разделке рыбы, а в воде, вернее, в том, что её
не доставало.

Привозной осталось ведро, Андрей привёз две канистры родниковой. И, к
счастью, когда уезжали на рыбалку, я захватил две канистры и набрал
морской воды. Вот она меня и выручила.

Последний раз я имел дело с рыбой в Петербурге. Покупал на рынке. Но на
рынке, когда покупаешь рыбу – очень дорогую – есть бонус: бесплатная

чистка. Особенно это хорошо, когда судака берёшь, щуку. Но я этим редко пользовался: что там парочку морских окуней почистить? Пустяк.

А тут около сорока рыбин. Чешуи у трески нет, надо её разрезать, выбрать внутренности... В общем, начал.

На веранду вышла Алёна:

- О-о-о! Тресочка! Я слышала, как вы приехали. Давай помогу. Ты её чисть, а я в пакеты буду раскладывать.

Короче к часу ночи мы закончили. Головы трески и максу, как советовал Андрей, я не отбирал – мало воды, чтобы всё промывать. Хотя, конечно, головы для навару в ухе было бы хорошо. И макса – печень – тоже, притом вкусно. Но – пролетели.

Трески получилось пять пакетов по восемь штук. Завтра отнесем Аннушке в морозилку четыре пакета, будем брать по необходимости. А пятый пакет – дома! Завтра будет знатный ужин!

А ночью мне снилось, что я чищу рыбу, чищу и чищу. Конечно, если бы я поймал не три рыбки, а все сорок, то мне снилось бы, что я ловлю треску, ловлю и ловлю...

МЕСТНЫЙ МАРКЕТ

На следующее утро решили прогуляться в магазин для ознакомления.

Впервые шли по посёлку. Дома вдоль улицы большие. Тут строили капитально и на будущие поколения. Часто – на два входа. В одной половине, надо полагать жили родители, во второй взрослый сын с семьёй. Но поколения, увы, уехали, остались, в основном, старики.

А, может, и два хозяина, дом на двоих строить дешевле.

Это старый дом обшит старыми баннерами от дождя и от ветра.

Магазин недалеко, метров четыреста по улице, а затем направо в проулок. Когда-то он был проездной, а сейчас «проходной», хотя следы того, что здесь проезжали, остались - в сырой низинке для проезда уложены старые доски.

Проулок метров сто пятьдесят, слева заросли иван-чая, высокого, сочного во всю цветущего яркими, фиолетовыми метёлками. А сразу после иван-чая – старое здание магазина с крыльцом под навесом.

Огромный торговый зал, прилавки буквой «П», за ними вдоль стен полки с товарами.

Ассортимент на удивление довольно широкий: хозтовары, электротовары, крупы-макароны, конфеты-печенье, колбасы, сыр, масло, сметана, соль, сахар, консервы мясные и рыбные.

Мороженое в ассортименте! В день привоза можно купить хлеб, булочки, помидоры, огурцы – лежат (у всех свои огурчики в теплицах), йогурт привозят, кефир, молоко. И алкоголь в большом разнообразии, даже пиво.

Однажды мне вместе с другими огурцами продали вот такого красавца!

Товары привозили из посёлка Зеленоборский. Замечательный посёлок! Он стоит, действительно, в зелёном бору, то есть, окружён лесом, на берегу Княжой губы Белого моря. А ещё здесь огромное озеро Ковдозеро, которое образовалось в пятидесятых годах прошлого века, когда строили ГЭС. Реку Ковда перегородили плотиной и вот озеро.

В 1982 году с другом мы снимали на год домик в селе Травяная Губа и ловили рыбу очень успешно. Сейчас, по разговорам, только в сети можно поймать. А у честных рыбаков, у кого ни спросишь:

- Ну, как успехи?

- Да так, на ушишку поймал. – Отвечали.

Не знаю, может, скромничали, я же в рюкзак не заглядывал.

Так вот, магазин. Это был, в общем, местный супермаркет, магазин с широким выбором товаров.

Я помню в пятидесятые годы прошлого века, у бабушки в деревне был подобный магазин. Правда, тогда ещё не было многих сегодняшних товаров. А сейчас уже нет тех. В том магазине можно было купить конфеты «подушечки», обсыпанные сахаром, слипшиеся на жаре, вкусные – неимоверно! Продавались фуфайки и галоши, велосипеды. А в соседнем

сарайчике – керосин для ламп, света ещё не было в моем деревенском детстве.

Назывался магазин – лавка, «сельпо» - это «Сельскохозяйственная потребительская кооперация». Во! И тогда были кооперативы. Но до сегодняшних им далеко! А ещё раньше, на заре Советской власти тоже были и кооперативы, и индивидуальные предприятия, и это всё называлось «НЭП» - Новая экономическая политика. И она вытащила страну из ямы. Но развиться ей не дали, чтобы она не поглотила развивающийся социализм.

Посмотрели мы сегодняшнее «сельпо» и пошли домой.

ИЗ МАГАЗИНА

Продуктов набрали –
Наверное, тонну!
И по пути говорим
Оживлённо,

И сумки несу я
Легко, не натужно,
Недаром давно я
С гантелями дружен.

Алёна тащила бы их
Еле-еле –
Она по утрам
Не подходит к гантелям.

Зачем ей
Железные эти друзья,
Когда у Алёны
Мужчина есть - я!
Нет, ничего мы не покупали, но поняли, что напрасно беспокоились по поводу питания. С голоду тут не пропадёшь!

А ещё подножный корм – грибы, а ещё подводный корм – треска у нас в запасе – живём!

А вечером, сижу с книгой, вдруг слышу: на улице сработала автосигнализация.

Алёна удивлённо:
- Это откуда?

Да я и сам удивился: что это? Ну, понятно, у нас в Петербурге: вокруг каждого дома в два ряда машины припаркованы и вечером или ночью в какой-нибудь да сработает эта оралка и начинает завывать.

А здесь? Машин на улице во всю её длину нет, тем более возле нашего дома, что у самого леса. Да тут и незачем ставить на сигнализацию! Тут двери в домах не запирают. Тут оставь за двором на бочке с водой бумажник, и он будет лежать до тех пор, пока не вспомнишь, где ты его оставил.

И я в ответ Алёне:

- Видела возле забора красная смородина, это я её на сигнализацию поставил, чтобы птицы не воровали!

Смотрю, а возле калитки Андрей у своей «Нивы», а по тропинке к дому Аннушки с внуком Даней на руках.

Это у «Нивы» такая бибика!

Наши друзья заехали проведать: как мы тут живы-здоровы. А я познакомился с Даней, мальчишечкой уже вполне взрослым – год и целых семь месяцев! И теперь мы с Даней, как говорится, накоротке! Уходя, он машет мне ручкой и говорит:

- Пока!

На фотографии ниже - мы с Даней на крылечке сидим. Согласитесь, видно, что мы нашли общий язык!

ЗА ГРИБАМИ

Но я же не рассказал, что за пару часов до приезда Аннушки с Андреем, у нас был праздничный ужин. Не ужин, а песня! И каждый из нас исполнил по

два куплета!

Поняли о чём я? О треске жареной. Это же так вкусно! Потому я и сказал, что каждый исполнил по два куплета, то есть, по две рыбки, целенькой, с хрустящей корочкой! Только вот с припевом не получилось. А припев – либо молока жареная, либо икра. Но не было.

Ночью прошёл дождь, как и обещал прогноз. Не обильный, но всё же промочил землю слегка. И трава, и деревья были мокрые. Несмотря на это, я собрался за грибами.

Накануне мы прошли по тропинке, что вела к озеру. Алёна чернику собирала вдоль тропинки. А я не люблю ягоды собирать – муторное дело. Особенно морошка, клюква – каждой ягоде кланяешься.

Брусника ещё ничего: нашёл кочку ягодную, встал на колено, не одну горсть надоить можно. Но всё равно, ягоды – одно и то же.

А вот грибы – совсем другое дело. Грибы всегда находка, всегда неожиданность. Любые грибы, даже и сыроежки. Их мало, кто любит, потому что не умеют готовить.

Сыроежки в любом виде: жареные, маринованные, солёные, малосольные, всегда вкусные - беленькие, хрустящие. И суп из них удивительно вкусный, с настоящим, грибным ароматом.

Но это, как говорится, дело вкуса.

Так вот, Алёна чернику собирала, а я присматривался. Хоть и сухо было в лесу, но опытным глазом я сканировал тропу и вокруг неё. Видел светлые полянки без черничника и брусничника, покрытые мхом, а под ним всегда сырь – место для сыроежек.

Тропинка дважды опускалась, значит, низинка, значит сырь, надо будет вдоль низинки пройти.

А ночью ещё и дождик прошёл, это к грибам, потому и была уверенность, что не напрасно в лес пойду.

Как-то у себя на даче, в это же время, помню, дождь прошёл. Небольшой, но обильный. Однако в дождевике можно было сунуться в лес.

- Дай, - думаю, - схожу, посмотрю, что там?

Всунулся в сапоги, влез в дождевик, корзинку на руку и пошёл. А в голове слова друг за друга цепляются, в строчки складываются, вот и сложилось:

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Вышел утром на крылечко
Посмотреть окрестный вид,
Слышу рядом, недалечко,
Писк в лесу вовсю стоит.

В лес пошёл для интересу –
Дятлы бодрые стучат,
А грибы пищат и лезут,
Просто лезут и пищат!

В сапогах стою и робе –
Брать корзинку иль не брать?
Ты, поди, теперь, попробуй
Их, пищащих, собирать!

Вот и здесь то же: всунулся в сапоги, влез в дождевик, но корзинки не было – ведёрко, да без разницы, были бы грибы!

Алёна вслед спросила:

- А не заблудишься? Солнца нет для ориентира.
- Да ориентир и не нужен, я же по тропе пойду.

Конечно, в незнакомом лесу, когда небо в тучах, блудануть можно запросто, и не заметишь, как. Но я не беспокоился об этом.

Вообще, за грибами в лес я хоть каждый день готов ходить.

- И что, - спросите вы, - все грибы съедаете, что собираешь?

Да нет, я же беру, сколько надо, а потом для удовольствия хожу, смотрю, слушаю. А, если и найду много сейчас, можно Аннушке отнести. Как оказалось, они с Андреем тоже любят малосольные. Родственные души!

А к тому же, Алёна скоро едет в Кандалакшу к подругам, они в лес не ходят, болеют, вот и будет хороший подарок!

А, между тем, дождь вновь посыпался, мелкий... Вообще на дождь можно смотреть по-разному. Если из окна – это будет один дождь. И, кажется, что выйдешь под дождь, сразу промокнешь, насквозь.

А можно быть внутри дождя, что-нибудь делать во дворе. И это будет совсем другой дождь. Его не замечаешь, ты делом занят.

Вот и сейчас не чувствую его: дождь идёт себе и я иду себе.

Тропинка началась сразу, как только вышел за калитку, что напротив главной, уличной. Прошёл метров двадцать и в лесу. И я начал смотреть грибы, и находил молоденькие, свеженькие, наверное, вылезли ранним утром после дождя. А может, и сейчас – навстречу дождику, лезут и пищат! Правда, писка я не слышал: у меня шапочка на голове и капюшон.

Шляпки два-три сантиметра, самое то! Они ещё не раскрылись, не развернулись и стоят на толстеньких крепких ножках, не тронутых никем.

А те сыройки, что раньше вылезли, шляпки уже большие - десять-двенадцать сантиметров, и на зонтики уже не похожие, наоборот, шляпки стали вогнутыми, а в них собралась водичка дождевая.

Вот они, любезные!

Под дождиком шляпки этих «взрослых» грибов становятся ярко-красными, блестящими, привлекательными. Но не стоит даже наклоняться к ним – они изнутри проточены червями.

Тропка спустилась вниз, перешла через ручеек, еле заметный в траве, и поднимается вверх. Я дошёл до конца подъёма, смотрю, справа в метре от тропы огромный плоский валун, а на его поверхности пять ярких сыроежек. Две молоденькие, бодрые, а три – увы! Но эти две – хороши! Сами с валуна прыгнули в ведёрко.

А я дальше пошёл и тоже находил сыроежки на валунах или рядом с ними.

Я подумал, что валуны, наверно, за день нагреваются от солнца… И даже, если солнце за тучами, оно светит и греет. Это я на даче часто замечал. Работаю в огороде, раздетый до пояса, а солнца нет, небо в тучах. А вечером Алёна говорит:

- Смотри, ты загорел за день!

Потому и валуны днём всегда нагреваются, а ночью отдают тепло и грибочки стараются пристроиться поближе к теплу.

Грибы очень быстро растут – это я (опять воспоминания) по даче замечал. В лесу, что в пяти-шести метрах от дачи, я знал каждое дерево. Сначала лес, как бы сторонился меня, но за долгие годы лес и его обитатели привыкли к моему соседству, смирились с ним. Зайцы на участок начали забегать, но огород мой был им неинтересен – капусты не было, а ботву морковки они не ели.

Медведь несколько раз посещал, пока я не напугал его. Это целая история, я рассказывал об этом.

А потом грибы из леса начали переселяться, сначала несмело, вдоль ручья с моей стороны вырастали, а потом ближе к грядкам. А однажды в маленькой

грядке под сараем у леса, где рос хмель, выросли два белых гриба! Откуда? Их даже в лесах наших нет, только на дороге вдоль озера, по которой мы ездим. В общем, чем дальше, тем больше. И притом, вечером: их у цветочной грядки нет, а утром – здрасьте вам! Выросли.

А ещё мыши осмелели. Представляете, даже по крыльцу бегали, а наш кот Иннокентий, Кеша с лавочки наблюдал за ними с интересом. И ничего! Видать, как-то договорились они на своём животном языке.

Что-то я совсем ушёл с тропинки, по которой топал с грибами, заблудился опять в воспоминаниях.

Пришёл домой, стою у крылечка. Жарко. Снял капюшон, шапочку, а дождик сыплет.

Дождик капает на листья,
Дождик капает на лысину
И на макушкином неглиже
Что-то там растёт уже.

ГОСТИ

Разобрался я с грибами, Алёна уборку закончила. Вдруг звонок в верандную дверь. Открываю – заходит Аннушка, в руках поднос, накрытый полотенечком, с нею женщина пожилая с корзинкой. И сын Андрей, он привёз их на своей машине.

Познакомились. Женщина – двоюродная сестра мамы Аннушки, Надежда Ивановна. Это она – автор пирога, что на подносе и пирожков, что в корзинке. А ещё Надежда Ивановна вынула из корзинки баночку любимого Алёной морошкового варенья, баночку, грибочков, огурчиков и кабачки.

Было видно, что Надежда Ивановна очень активная женщина – по разговору, по движениям. И оказалось точно! В молодости она была комсомольским вожаком, много лет работала медицинской сестрой в посёлке Зеленоборский, и сейчас её жизнь кипит! К ней часто обращаются за медицинской помощью селяне, так как медпункт то работает, то нет. А у неё всегда есть самое необходимое для этого. Короче – скорая помощь!

Но это не всё. Лет сорок назад Надежде Ивановне приснилось, что она должна построить церковь. И этот сон через много лет оформился в реальное дело, только речь шла не о церкви, а о часовне.

С этой идеей в январе 2019 года она поехала в Кандалакшу к настоятелю Кандалакшской церкви Иоанна Предтечи к отцу Валентину за благословением на строительство часовни. Тот сначала отговаривал её, мотивируя тем, что это дело сложное, что денег много надо на строительство,

а их ещё вообще не было. Говорил, что начнут строить, да вдруг не получится закончить...

Но сдвинуть Надежду Ивановну с этой установки было невозможно, и отец Валентин благословил её на это богоугодное дело.

И вот к началу к лету этого же года стараниями Надежды Ивановны были собраны деньги – миллион рублей. Собирали в Лесозаводском, в Кандалакше, присыпали издалека. Короче, всем миром собирали. И всем миром строили. На строительстве были одноклассники её, её пациенты, земляки. Помогали приобретать строительные материалы. Пригнали строительную технику, построили и занялись внутренним убранством.

Начали 1 июня 2019 года и за лето закончили.

Мы были в часовне – картинка! И в хорошем месте стоит, и окружение хорошее - зелень. Снаружи часовня кажется небольшой, но внутри помещение просторное, вдруг взлетающее вверх конусовидным сводом, и чувствуется дух русского народа, крепость его веры, его единства.

По инициативе Надежды Ивановны отправили отсюда гуманитарную помощь на СВО. Там погиб её внук...

Вот часовня и её автор – Надежда Ивановна между нами.

Каждое воскресенье Надежда Ивановна открывает часовню для местных жителей и для паломников. Здесь молятся за окончание войны, за мир.

Вот такая Надежда Ивановна! Рядовой представитель русского народа. Но не рядовой – особый!

Мы посидели, поговорили, попили чаю и, конечно (!!!) поели вкуснейших пирожков и пирога.

Прощались тепло и сердечно. А Надежда Ивановна пригласила нас назавтра в гости. На пироги!

Мы сопротивлялись:

- Да мы ещё эти не съели, вон ещё на два дня осталось! – Алёна показала на оставшийся пирог и пирожки.

- Ну, это теперь ваши! – Сказала Надежда Ивановна, - а я вас на свои приглашаю.

Я вспомнил строки из стихотворения московского детского поэта А.Усачёва:

...Тот, кто любит пудинг
И часто ходит в гостинг,
Не бывает худинг,
А бывает толстинг.

А что делать? Надо идти. Нельзя обижать Надежду Ивановну отказом. Ох-хо-хо...

ЛЕТО КОНЧАЕТСЯ?

Сегодня первый день последнего месяца лета. Сложно сказал... Короче – первое августа. А лето ещё в полной красе.

По прежней жизни хорошо помню, что лето тут заканчивается в июле, а в августе сходит на нет. Днём светит солнышко, а утром просыпаюсь: на машине иней, трава седая, серебристые веточки укропа под тяжестью инея низко наклонились, но когда под солнечными лучами иней тает, укроп выпрямляется.

И деревья... Березняк вдоль ручья, уходящего вдаль, вроде бы ещё зелёный, но зелень уже не такая сочная, как бы иссушена, теряет окраску, на зелень легла усталость.

А кисти рябины, наоборот, пламенеют между ветнозелёными елями, которые тоже как бы устали от своей пышной зелени, и уже зелень тоже потускнела.

Ели стоят на границе моего участка и леса, стоят, как стражники, то ли для того, чтобы лесные обитатели не проникали на мой участок, то ли, чтобы я не распространял своё влияние на лес. Но стража дырявая: проникновение потихоньку идёт с обеих сторон.

А вода в ручье, текущем по границе моего участка, уже ледяная и моя эрдель Дези, возвращаясь из лесу, переходила ручей вброд, чтобы остудиться. Но теперь по мостику переходит. И я уже на специальном кострище завожу дикий, неаккуратный костёр, сжигая вырубленный кустарник, сломанные ветки, грубые сорняки, не годящиеся в компост.

А иногда после ужина, на закате разжигаю «хороший» костёр у беседки и мы с Алёной сидим, на огонь глядим.

И нам хорошо у костра,
Сентябрьский закат ещё розов,
Костёр догорит до утра,
Ручей добежит до морозов.

А мы до внучат доживём –
Какие ещё наши годы!
Пока отдыхаем вдвоём
На фоне осенней природы.
Внучат мы давно дождались и живём сейчас в пятистах метрах от них.
В этом году удивительное лето, и я вовсю пользуюсь солнышком. Да я всегда любил солнце.

Алёна предупреждала меня, что нельзя на солнце много быть. Ну да!
Нельзя северянам. А я же на юге родился и сколько помню себя, всегда в трусиках, с непокрытой головой, с чёрным, как головешка, телом и белыми, выгоревшими под солнцем волосами.

А помню, в Казахстане со студенческим стройотрядом, работали под солнце при сорока градусах. Иногда – выше.

Так что мы с солнцем – родня!

Но сейчас идёт дождик. В телефоне прогноз пророчил, что дождь будет с шести до восьми часов утра. И всё. Но в реальности оказалось не так. Там, наверху в шесть утра забыли нажать кнопку «вкл», а в восемь часов вспомнили и вот сейчас дождик сеется, как через мелкое сито.

В воздухе его не видно, и на лужах не видно – настолько мелкий. Но лужи откуда-то появились!

И вот так он висел в воздухе до полудня. И, притом, хоть его и не видно, но он чувствуется:

Я стою под облаком,
Дождик всё сильней,
Стану чище обликом,
Вырасту длинней!

Но, к счастью, кончился дождь и я не вырос. Увы...

Алёна освободилась от дел – у неё же теперь огромное хозяйство – целый дом! И для женщины, любящей порядок, работа всегда есть.

И я предложил пойти в лес за грибами.

- В лесу сейчас хорошо, свежо, воздух чистый.

Короче, уговорил, тем более, дождевики с капюшонами есть, сапоги есть.

Пошли. Сначала попадались сыроежки сомнительного содержания, но потом набрали два ведёрка свежих и бодрых от дождика

После дождя и эти большие сыроёги тоже чистые, не побитые червяками
Дома я грибами занялся: надо было почистить, отварить и в ведёрки
небольшие разложить – для Алёниных подруг в Кандалакше. А Алёна –
сборами: завтра едет.

Вначале было не очень понятно как ехать ей. Хотя известно: можно автобусом отсюда до Зеленоборского, а оттуда автобусом до Кандалакши, но это больше, чем половина дня. Да ещё пересадки. Алёна взяла мою сумку, полную уложила – чай, женщина на пять-шесть дней едет. Да ещё грибов варёных на гостинцы – два литра.

Но снова, в который раз выручила Аннушка. Оказалось, сын её соседки едет в Мурманск, и он согласился завезти Алёну в Кандалакшу. А он – главный анестезиолог Мурманска. Вот что значит – коллега!

ПОЗАБЫТЫЙ, ПОЗАБРОШЕННЫЙ!

Итак, сегодня, второго августа Алёна уехала. Я её проводил до машины, попрощались и всё...

После поговорили с Аннушкой. Она сказала, что сын Андрей с женой уехали за грибами.

Вернулся домой и тоже пошёл за грибами – за сыроежками. Всё, что собрали вчера, Алёна взяла с собой. Они же очень уменьшаются при варке.

В лес взял то же ярко-жёлтое ведёрко. А лес тут густой, кроны вверху соединяются и, если нет солнца, то в лесу темновато. Но я же не по лесу иду, а по тропинке.

За всё время, что мы ходили по тропе, только дважды встретили людей: мужчину в футболке и шортах шёл с озера и женщину с ребёнком – шли на озеро. А грибников не встречали.

Сыроежки попадались и на тропе и рядом с нею.

Прошёл я вперёд, через ручеёк, вверх поднялся, смотрю: справа место подходящее для моих сыроежек: полянка чистая между сосен, мхом покрытая. Свернул к ней, походил, нашёл сыроегу, прошёл немного, повернул направо, ещё прошёл, вновь повернул в одну сторону, в другую...

Поднял голову: лес и лес, стоп! А тропа где? Думаю:

- Спокойно. Я с тропы повернул направо, затем ещё направо, затем, кажется, налево, вперёд прошёл. Значит, тропа – там! И, глядя по сторонам, осторожно, осторожно пошёл медленно и вышел на тропу.

- Ну, слава Богу, - думаю. – Солнца нет, не мудрено по лесу блудить. – И пошёл вперёд по тропе, дальше, как мне казалось.

Смотрю: большой валун, который я недавно проходил и на котором нашёл пару дней назад две хороших сыроежки и три червивых. Но он же был справа, а теперь слева, значит, я назад, к дому иду.

Я повернул назад и пошёл по тропе дальше. И вспомнил свой метод: как не заблудиться в незнакомом лесу, тем более, когда нет солнца.

Если вы идёте с корзинкой, то в её край воткните прутик. Хотите, остановитесь, ставьте корзинку на кочку, на пенёк, на камень прутиком в ту сторону, в которую идёте. И бегаете вокруг в пределах видимости корзинки. Собрали тут все грибы, двигаетесь дальше опять так же. И назад таким же макаром.

Если в лесу с ведёрком, то ставите его ручкой вперёд.

Поскольку я сейчас на тропе, то ставлю яркое жёлтое ведёрко ручкой по ходу движения. И хожу вокруг, с обеих сторон от тропы, не теряя ведро из виду. Набрал грибочков.

Пришёл домой, позвонил Аннушке, спросил, набрал ли её сынуля грибов.

- Только сухие и червивые...

- А хотите я сыроежками поделюсь?

- Ой, конечно, хотим! С удовольствием.

- Хорошо, Анна Рудольфовна, - сказал я, - будут вам сыроежки, вот почищу и принесу.

Сижу я у крылечка, чищу грибы, а на берёзе, что на краю участка, сорока трещит. Да так сердито! Как будто меня отчитывает за то, что лесные дары домой принёс. Или рассказывает о чём-то?

Ну, я на её же языке, протрещал, сказал, что вырастут другие грибы вместо тех, что я сорвал. Но сорока не согласилась со мной, каркнула и улетела.

Ой, нет, сорока-то улетела, а каркнула уже ворона с другой стороны участка и с другой берёзы.

А с озера донеслось кряканье уток. Я их заметил, когда по тропе мимо озера проходил. А утка увидела меня между деревьями, побежала по воде, крыльями машет, а утятки за ней. Мама-утка не бросила детишек, не улетела.

Ну, вот, чищу я грибы и думаю:

- Я сейчас, как Золушка!

Почему Золушка? А помните, в сказке: мачеха с дочерьми уехала на бал, а Золушке поручила кучу дел, а в конце ещё и зерно перебирать, целый мешок. И работала она не покладая рук. Хорошо, ей птички помогли с зерном. А мои птички только стрекочут да каркают.

А дел у меня, как у Золушки! Смотрите, с утра заправил огромную двуспальную постель, а она неудобная, надо поправлять то с одной, то с другой стороны, то с третьей.

Потом завтрак приготовил, посуду помыл, на кухне прибрался, на веранде подмёл, сухой скошенной травы на подошвах наносил, во дворе дорожки подмёл,

Грибы почистил, часть Аннушке отнёс. А на обратном пути пошёл к магазину, там рядом иван-чай буйствовал. Алёна велела нарвать цветов иван-чая и на веранде на столе рассыпать, чтобы сохли цветы. Да притом, сказала, чтобы рвал аккуратно по лепесточку и в пакет складывал. Ну, точно, как Золушка – по зёрнышку! По лепесточку, чтобы нераскрывшиеся бутоны не срывались. Но я придумал, как ускорить и сразу всю метёлку цветущую в горсть собирая, предварительно обломав верхушку с нераскрывшимися бутонами, а потом в ведёрко высыпал, что на шпагате на шее висело. Обе руки свободны! Быстро набрал трёхлитровое ведёрко. И разложил на веранде:

Зимой Алёна будет с другими травками заваривать.

Но это не всё. Ещё велела Алёна, чтобы я без дела не сидел, нарвать и рассыпать для сушки листьев чёрной смородины. Она в углу двора растёт. Целые заросли, но почти все листья покрыты коричневыми пятнами. Вот и выбирать по зёрнышку, ой, по листику, не тронутому паршой. Но мне и тут повезло: со стороны сарая поднял нижние ветки, висевшие до земли, а под ними чистые зеленые листья. Вот быстро и нарвал.

Сделал всё и сижу в доме у журнального столика, сижу с тетрадкой и тоскую по мачехе. Ой, что я! По Алёне тоскую!

В ЛЕСНОЙ ИЗБУШКЕ

Живу в лесной избушке,
Приемлимо вполне,
В присутствии кукушки.
Ты помнишь обо мне?

Ручей басит степенно
В рассветной тишине.
Туман прозрачной пеной.
Ты помнишь обо мне?

Здесь пишется довольно,
Приходишь ты во сне
Так сладостно и больно.
Ты помнишь обо мне?

Я в добровольной ссылке –
Ни по какой вине.
Ни писем, ни посылки.
Ты помнишь обо мне?

А лето на исходе,
Надежды о весне.
Тоскую на природе.
Ты приезжай ко мне!
Ну, не в избушке, и ручья с кукушкой не слышно, но где-то так.

ПРО ПИРОГИ

Третий день августа и второй день моего одиночества. Хотя никакого не одиночества! Это я выдавливаю скучную мужскую слезу, тоскуя по Алёне.

А одиночества нет, к счастью. Вчера вечером пришли Аннушка и Надежда Ивановна. С чем пришли? Угадали, с пирогом, с пирожками и шанежками с картошкой.

Если, кто не знает, что такое шанежки, как ватрушка с творогом. В общем, похожи, но в деталях отличаются. В настоящей шанежке нет ванилина и сахара, у шанежки не такие высокие бортики, как у ватрушки.

Шанежка – это поморское изобретение, хотя есть ссылки на финско-угорское происхождение, на народности коми, удмуртов, но всюду опять же ссылаются на русский север. А это и есть поморы!

Шаньга была лакомством и выпекалась в праздники из белой муки. Так же у поморов лакомство - пироги с сёмгой.

Я однажды лакомился такими пирогами, когда жил на востоке Кольского полуострова, в поморских сёлах Чаваньга Тетрино, Чапома. Добирался туда на вертолёте. Сёла эти находятся в тундре на берегу Белого моря. А ещё на берегах одноимённых рек.

Вот Чаваньга с вертолёта. Справа река Чаваньга, впереди Белое море

КАРТИНКА

Справа море, слева тундра,
Солнца свет в полночный час,
Заблудиться очень трудно,
Даже, если в первый раз.

Я иду, как по картинке:
Небо, травы, гладь воды,
Мотоцикловы тропинки,

Вездеходовы следы,

Рядом речка-недалечка,
Избы, улицы села,
Тонкий дым из чьей-то печки,
Чайка рыбку пронесла,

Дров поленница большая –
Хватит на зиму-зиму...
Я иду и не мешаю
Никому и ничему.

Вот такая чудная картинка! Я каждый день ходил вдоль моря и далеко в тундру по реке Чаваньга.

Село Чаваньга – вымирающее село, но сейчас оно как бы возрождается. Поморы понемногу обустраиваются, но дети их уехали, и село прирастает москвичами-дачниками. Несмотря на то, что билеты на вертолёт, что летит из райцентра Умба, поднялись в цене с восьмисот рублей, когда я там был, до шестнадцати тысяч, даже для местных – четыре тысячи.

Москвичи покупают в Чаваньге дома, перестраивают их, нанимают в Умбе грузовики-вездеходы «Урал» и на них перевозят стройматериалы. Даже вертолёты нанимают, морские суда.

А стремятся туда потому, что там чистый воздух, там морошки – видимо-невидимо, там диетическое мясо оленей – покупают в тундре у пастухов. А ещё – сёмга!

Так вот, пироги с сёмгой. Я прилетел в Чаваньгу как раз накануне большого праздника для поморов – Дня рыбака. Отмечали его широко, в Доме культуры накрыли столы, каждый приносил своё, что было. В общем, столы ломились.

Как говорится, и я там был, мёд-пиво пил. Вот тогда и угостился пирогами с сёмгой. Пироги были расстегаи, рыба открытая. А сёмга и жареная и варёная – сухая. И в духовке на сухом жару – ещё суще. И от этого угощения я был не в восторге. Рыба сухая, и тесто обычное, без изысков, тоже суховатое.

С икрой пироги не ел. И нужно сказать, что красная икра, о которой мы все знаем, – это икра горбуши и кеты. Икра сёмги тоже красная, но её икринки мельче и она не так ценится.

Ну вот, опять нырнул в воспоминания. Ну, так и понятно. Молодые живут будущим, пожилые – прошлым.

Сейчас сижу у крыльца, а впереди возле теплицы кошка соседская сидит, красивая, четырёхцветная. Сидит и на меня смотрит, может, познакомиться хочет, да не решается.

А на крыше дровяника сорока расположилась, беспокойная, вертится. То одним боком повернётся, то другим. Дескать, посмотрите, какая я красавица! Красавица, красавица! Особенно, когда молчишь.

А может, меня разглядывает, птицы не могут смотреть на что-то сразу обоими глазами, вот она и вертится, то одним, то другим глазом.

Оторвался от тетради, наблюдаю за окружающим миром. Встал размяться – кошка убежала, сорока улетела. Да и я, наверное, в дом пойду.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗВЕРЬ

Четвёртый день моего одиночества. Жив, ничего!

Шесть утра, с тетрадкой сижу у крыльца. Солнце как раз напротив меня. Тихо-тихо, в том плане, что не слышно работы бензопил, газонокосилок, шума машин, разговоров.

Но от леса доносятся птичьи голоса, не голоса, а пение. Жаль, не знаю, что за птички поют. Но воронье «кар» – понятно, слышно из листвы берёзы, вороны не видно, но её децибелы слышно хорошо. Каркает сердито, с интонациями, видать, кого-то воспитывает, или отчитывает. Ответов не слышно. Значит, собеседник виноват, потому не отвечает.

И знакомый стрёкот, треск, вон она сорока – на штакетнике. Интересно, та же самая, что и раньше? Сегодня ближе сидит, осмелела.

Встал, поклевал смородины красной, затем малины. Поспела, можно выбрать. Только неловко, малина же не моя, может быть хозяева приедут собирать? Правда, очень много порченой.

Ах, малина спелая,
Вся бордово-красная!
До чего же ты, малина,
Ягода прекрасная.

Но воришку шельма метит:
На малину я смотрю,
А крапиву не заметил
И теперь хожу, горю!

Снова сел перед крылечком на стул. А передо мной площадка где-то 4x8 метров, выложенная плиткой, но не стандартной, целенькой, а как бы из кусков. Но куски странные, вроде специально целую плитку разбивали на крупные куски и из них уже выкладывали площадку.

Так делают, чтобы сэкономить. Битая плитка дешевле. Но раствора больше идёт. И дольше делать. Странно... А края у битой плитки ровные, ну как будто специально целую плитку били на такие куски. Но какой смысл целую плитку переводить?

Наверное, вы думаете:

- А зачем ему нужно с этой плиткой разбираться? Чего он зациклился на ней?

А потому что на одном куске плитки увидел чёткий, впечатанный в плитку звериный след: четыре пальца впереди и пятка или ступня. Пятого пальца нет, он сзади, над пяткой. Это у медведя и бурого, и белого все пять пальцев веером.

И мысли мои потекли в другую сторону. Может, это и не битая плитка? В горах есть камни или скалы слоистые, слои откалывают, и ломают на куски. А след, что я увидел, это след доисторического животного. Животное было огромных размеров, но по прошествии тысячелетий, камни усохли, след уменьшился. Этот обломок привезли для строительства, а след не заметили.

Нет, в самом деле! Я был в Новгороде Великом и там в одном соборе нам показали раку из камня. Говорили, что это рака какого-то богатыря.

Я измерил её – сто пятьдесят сантиметров! Ну не может богатырь быть ростом полтора метра! Это камни усохли.

А потом я узнал, всё очень просто! У Стаса Анатольевича, хозяина этого дома была специальная форма, чтобы из бетона блоками делать такую плитку. А после блоки укладываются на подушку.

Вот он однажды залил форму, оставил сушить, а кошка наступила на бетон и оставила свой след.

Вот он – этот след.

А я разогнал фантазии: доисторическое животное, скалы... И застрял в этой теме, как когда-то кошка в бетоне.

СОЛНЦЕ, ЛЕС И ГРИБЫ

Никак не отойти мне от грибной темы. Ну, так понятно: ради грибов и трески сюда стремились.

Хотя я лукавлю. Не только из-за этого, а для того, чтобы окунуться в природу, в атмосферу Заполярья, увидеть Белое море, оказаться в лесу, побродить между сосен спокойных и высоких, кажется, вечно стоящих здесь. Это куда лучше, чем ходить по улицам мимо каменных высоток.

Посмотришь вперёд – взгляд упирается в стену, посмотришь вправо-влево, взгляд упирается в стену, и нет простора ни душе, ни взгляду.

Я опять сижу перед крылечком. Впереди выше леса солнышко ясное, полетнему жаркое, хоть оно и на склоне неба. А на середину неба, по-научному в апогей, сейчас оно не забирается даже в полдень. Понятно – Заполярье и солнце к осени опускается всё ниже к горизонту. Всё ниже и ниже, и в один не прекрасный день оно совсем спрячется. Сначала за тучи, что над горизонтом, а потом уже и за горизонт уйдёт – до свиданья день-денёк!

Но здесь к этому привыкли и страдают от этого, потому что в один прекрасный день в январе солнышко покажется над линией горизонта, сначала краешком своим, потом всё выше и выше поднимается, а потом и полностью выкатится. И каждый раз это праздник для людей и для природы.

Вот как раз такой момент: солнце только-только показалось. Но солнце уйдёт ещё не скоро, сейчас оно над лесом, греет вовсю и, кажется, что оно совсем не двигается.

Вот как повезло нам! Солнце и в августе ещё яркое, жаркое, нежное. При этом, не где-то в заморских южных краях, а здесь, на родном Севере, у Белого моря. Тут простора и в небе – сколько глаза хватит, и под небом. И люди здесь незлобливые, добрые, великодушные. И потому здесь и душе просторно!

И грибам в лесу вольготно! Они там - только зайди за ограду леса. А в этой ограде из зелёной густоты гроздья краснеющих ягод рябины. А дальше – лес, лес и лес.

В мегаполисе шум, постоянное движение транспорта. Транспорта много, чрезвычайно много. У подножия любого дома с обеих сторон в два ряда стоят машины. Дома словно вырастают из машин.

Сейчас жизнь большого города – жизнь его транспорта. А жизнь людей в городе почти незаметна. Человек растворился в городе, сел в автомобиль, в городской транспорт, спустился под землю в метро. По улицам идут редкие пешеходы. И вдруг неслышно и пугающе, внезапно сзади возникает электросамокат, или электровелосипед, или просто велосипед. А у наездников на спинах огромные, цветные, квадратные сумки-рюкзаки с надписями «Доставка». Вот эти живут. А пешеходы уже привыкли и не страдают.

И вот после всего этого погрузиться вдруг в прозрачную тишину леса, почувствовать себя, как бы заново познакомиться с собой, узнать себя, увидеть, что это по-прежнему ты! И на фоне всей этой природы ощутить, что ты живёшь. И даже не на фоне природы, а с нею или в ней.

Если упасть на землю
И прорости, как семя
К небу зелёным ростком...
Потом

Будут на стебле листья,
Ткнётся мордашка лисья

В раскрывшийся вдруг цветок -
Хороший, в общем, итог!

Но я же о грибах хотел. Иду по тропке, смотрю влево, вправо, вижу: вон полянка, покрытая моховой травкой – туда. И вон сыроежка вылезла на свет. И ещё одна с красной шляпкой. А чуть подальше – с жёлтой шляпкой. А вторая червивая.

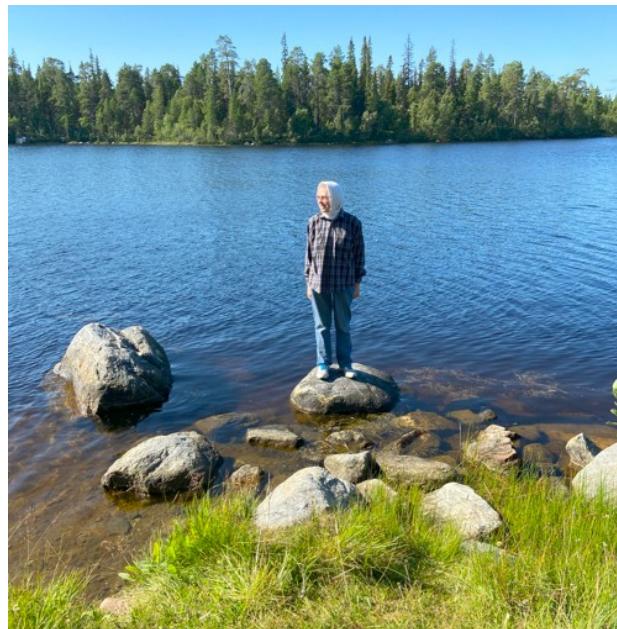
Говорят, что красные вкуснее. Не знаю, Но почему тогда в жёлтых сыроежках червяки чаще сидят? Червяки – не дураки! Они повкуснее выбирают, именно жёлтую, а не красную.

Вообще, у грибов удивительная странность. Если однажды нашли гриб в заметном месте, через день-два снова наведаетесь сюда с надеждой снова урожай собрать – фигвам! Ни грибочка!

Если увидели гриб, подошли рассмотреть, но не сорвали, дескать, пусть подрастёт, завтра сорву. Ничего подобного, гриб пропадёт. А если уж дотронуться, там, травинку убрать или листок, чтобы рости не мешали, тем более!

Наверное, сглазу боятся. А, может, и в самом деле, обладают каким-то интеллектом, как пишут об этом?

ДАЛЬНЕЕ ОЗЕРО

Вернулась Алёна из Кандалакши. Грустная – тяжело болеет её подруга, а она из времён нашей молодости... Но, пока шли к озеру, Алёна развеялась.

Ближнее озеро просвечивало синевой между деревьями, его с крыльца было видно.

На противоположном его берегу стоит баня. Воду из озера берут. Потому озеро называют Банным.

Там же – на противоположном берегу есть подход и подъезд к озеру.

Я неоднократно упоминал дальнее озеро, к которому ведёт эта грибная тропа, но до него мы так и не дошли.

Каждый раз, когда мы встречались с Аннушкой, она спрашивала:

- До озера дошли?

Мне было уже неловко отвечать «нет».

И однажды, когда мы разговаривали с Надеждой Ивановной, и зашёл разговор о возможности пойти к Красной Щели на берег моря, Аннушка сказала:

- Да они до озера никак не дойдут!

И я подумал:

- Всё! Надо идти!

Ну и пошли с Алёной по известной тропе. Шли быстро, так как не отвлекались на грибы.

Алёна вначале пыталась на ходу есть чернику, но я предложил ей на обратном пути.

Дошли довольно быстро, да там и расстояние было всего-то километр и сто метр по шагомеру в телефоне. А, покуда шли, сначала слева нас сопровождало Банное озеро, оно периодически проблескивало меж деревьев, потом оно пропало, а метров через триста справа показалось другое, то самое, дальнее озеро.

Тропа всё время шла через лес с мощными соснами, они стояли высокие и молчаливые, охраняя покой, тишину и нас, наверное, нежеланных путников, нарушающих сложившийся лесной уклад...

Вскоре вышли к озеру, сначала была большая удлинённая поляна, заканчивалась она невысоким, сантиметров пятьдесят обрывистым берегом и сразу у берега большие валуны в воде. С берега прямо на них и ступаешь, а потом в воду. Что я и сделал. На фото выше это озеро.

Вода была чистая, прозрачная и довольно холодная:

Хороша была водичка!

Т-т-только к-к-к н-н-ней

Н-н-нужна п-п-привычка...

Но у меня привычка была: каждое утро холодной водой обливаюсь.

В метрах полутора от берега было по пояс, а дальше – глубже, но я не пошёл дальше и не поплыл, потому что сзади меня со дна поднялась то ли тина, то ли ил, в общем, какая-то взвесь – это я поднял, вся вода замутилась. Осторожно выбрался на камень, на теле тины этой не было.

Я топтался на большом гладком валуне, поворачиваясь к солнцу и обсыхая.

Пошли домой. По пути назад, Алёна собирала чернику в горсть и высыпала в рот. Я - нет. Я и на даче этим не занимался. Кроме морошки, и то, потому что морошка на болоте, а там, в жару и комары, и, особенно, мошкара очень уж донимают. Ну не отправлять же на эти муки Алёну! Потому сам ходил, домой возвращался с морошкой очень довольный. Алёна ещё больше!

Я НЕСУ ДОМОЙ МОРОШКУ

А дома из ягод
 Варенья наварят
 И после мне
 Целую миску навалят!
 Хлебать его буду
 Столовою ложкой
 И нос угощу я
 И щёки немножко,
 И подбородок,
 Конечно,
 И руки –
 Достались им
 Просто ужасные муки:
 Ведь время морошки –
 Такая пора:
 Кусает, грызёт
 И сосёт мошкара.
 Они же всё это
 Геройски терпели,
 А губы – так те
 Даже песенки пели!
 И муки мне эти
 Сумели простить.
 Ну, как их за это
 Не угостить!

ПОСЁЛОК И ЖИТЕЛИ

Глубоко в историю посёлка я не буду вдаваться, об этом много литературы есть.

Когда ходили на то место, где когда-то была биржа - склад готовой продукции под открытым небом, просто не верилось, что когда-то это было живое место. Настолько всё сейчас запущено, заброшено в прямом и переносном смыслах. Берег моря усыпан обломками досок, бруса, реек, полуслгнившими или белыми, выгоревшими на солнце, втоптанными временем и ногами в землю, в берег, сползающий в море.

Я видел на старых фото этот склад продукции: доски и брусы штабелями высотой с двухэтажные дома. Был тут настоящий причал, к нему за этим товаром приходили океанские корабли, грузили и развозили наш лес по всему миру.

И, наверное, сюда прибегали мальчишки, смотрели во все глаза на суда, уходящие в далёкий и загадочный мир. Смотрели и мечтали:

И от края нашей земли
Провожали в моря корабли,
Поплынут – доплынут корабли
До земель, что лежат вдали,
Там такие же дети Пети,
Там такие же дети Серёжи,
Потому что все дети на свете
Меж собою дружны и похожи,
А их мамы похожи на наших,
Папы тоже похожи на наших,

Они также детей своих любят,
Все родители - добрые люди!
И выходит, все мамы на свете,
И выходит, все папы на свете,
И выходит, все люди на свете
Подружиться должны, как и дети!

Об этом, наверное, тогда мечтали поселковые мальчишки и не только поселковы, а все мальчишки страны, потому что в той, прежней нашей стране нас учили не только любить друг друга, но и дружить со всеми. И дружили. Но нашей прежней страны нет, и весь мир теперь раздружился...

Лесозавод, как производство, сгорел в 2003 году, остались только кирпичные стены и высокая труба котельной. Эта труба, как обелиск, как памятник всем тем, кто работал и жил здесь. И сейчас живёт.

Старые жители посёлка, работники лесозавода говорят, что за их лес в мире платили золотом, а они, как были нищими, так и остались...

Ранее на остров Олений, где стоял лесозавод, добирались только морем. В 1972 году между материком и островом насыпали дамбу, появилась дорога и народу в посёлке значительно прибавилось. А остров стал полуостровом.

В лучшие годы в посёлке жили около двух тысяч человек, теперь – триста.

Работы – нет, так, единичные должности. Зимой, конечно, меньше, уезжают в Кандалакшу, в Зеленоборский, у кого есть возможность. Да и летом, народа мало. На нашей улице увидел во дворе дома: мужчина вывел каркас какого-то строения. Я поздоровался, спросил:

- Душевая?
- Душевая, - ответил мужчина.
- А когда контрольная помывка?
- Да не знаю, материалов не хватает.

А пройдя чуть дальше, встретил мальчишку лет семи. Радостный такой идёт. Я не удержался и спросил:

- Ты чего такой довольный? Праздник?
- Да, день рождения у меня!

Есть всему всегда причина,
Или повод, иль мотив...
Скачет весело мужчина
Под весёленький мотив.

Он его без слов мурлычет,
Он, видать, доволен всем.
А мужчина – симпатичен!
А мужчине – целых семь!

Только он проснулся утром,
Старше стал на целый год,
Вот и скачет потому-то,
Потому-то и поёт!

Я трижды приходил в магазин за хлебом, ко времени привоза его. И все три раза там были одни и те же женщины. Они брали помногу, расплачивались из разных кошельков.

Оказалось, это соцработники, они ухаживают за пожилыми или больными, в основном, это бабушки, и покупают продукты по их заказам.

Что интересно, все три раза я стоял в очереди за одной и той же молодой женщиной Леной Шестаковой. И когда я в очередной раз пришёл в магазин и спросил?

- Кто последний? За кем я?

Женщины, стоявшие в магазине, грохнули смехом:

- Да ты опять за Леной Шестаковой. Договорились что ли?

- Нет, не договаривались. Это я в зарослях иван-чая сидел, как только Лена вошла, я сразу за ней! – Подыграл я женщинам.

А народ в посёлке очень уважительный и вежливый. Кого я ни встречал, все здороваются. И я теперь не жду, стараюсь первым приветствовать:

- Добрый день! Бог в помощь! – если человек на своём участке работает.

Я так понял, что в посёлке о нас все уже знают: кто, откуда, зачем, где живём. Новости сороки разносят. Сорок тут много, а новостей мало.

Стоял в магазине в очереди. За мной аккуратно одетый пожилой мужчина. Он так гладко выбрит, что я позавидовал. Вдруг он спрашивает:

- В лес-то ходите? Дом Патраковых у самого леса стоит.

Патраковы – хозяева нашего дома.

А я ничего ему не говорил. Вот я и понял, что о нас знают.

Когда идёшь по посёлку, собак встречаешь. Они у своего двора лежат или сидят. И по характеру и воспитанию, похожи на своих хозяев. Прохожу, здороваясь с хозяйкой, стоящей у калитки. Собака встаёт, подходит, тыкается носом в руку – здоровается и знакомится. Но когда я хотел погладить её, хозяйка сказала:

- Не надо, может укусить!

Правильно! Поздоровался и иди дальше, а в душу не надо лезть!

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Люди, которых я встречал в посёлке – в основном пятидесяти-шестидесятилетние. Но были и где-то равные по возрасту – мама Аннушки,

Надежда Ивановна, Владимир Иванович, мастер-плотник, что с Андреем дом строит.

Я шёл и думал, что и я, в общем, не короткую жизнь прожил. И всяко было! И я со столькими лидерами нашей страны в одно время жил! Вот смотрите: Сталин, Хрущёв, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачёв, Ельцин и уже двадцать лет с Путиным живу.

А что запомнилось о каждом? Плохого и хорошего?

Сталин. Ну что можно запомнить о нём за первые шесть лет моей жизни с 1947 по 1953? Я и себя-то мало помню. Тем более, сейчас детство вспоминается, как одно счастливое событие.

Но вот гораздо позже, в Макеевке, куда меня привезли в 1953-54 году, - это уже восемь-девять лет после войны. Украина и Донбасс от гитлеровцев сильно пострадали. Но не помню никаких явных следов войны: разрушенных зданий, предприятий. А они были, но всё быстро восстановили в то трудное время, и даже постепенно началось новое строительство домов-многоэтажек. Целый микрорайон новостроек – Черемушки - появился. Но это уже при Хрущёве.

А плохое дошло до моего сознательного возраста – бабушкина пенсия - тринадцать рублей пятьдесят копеек, хотя должна была получать во много раз больше за троих сыновей погибших в войну. Но они погибли неправильно: все трое без вести пропали. И все летом 1941 года. А пропавшие без вести, считались предателями. Так бабушка до самой смерти в 1973 году и получала эту пенсию.

А от Хрущёва остались очереди за хлебом. Мама ночью занимала, потом в семь часов я сменял её. Это я помню летом, в школу не ходил. А ещё кукуруза. Никита Сергеевич хотел всю страну засеять кукурузой по американскому образцу. Но Штаты – южная страна. Большая часть нашей – северная. С кукурузой не получилось.

Но получилось: первый спутник, первый космонавт, первая атомная электростанция, первая атомная подводная лодка, первый атомный ледокол. И атомная бомба...

И его лозунги запомнились: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» - Обещал Хрущёв. И ещё «Догоним и перегоним Соединённые штаты Америки!». И вот, поскольку я то самое поколение, которому обещали это, свидетельствую: я живу вроде при капитализме. И со Штатами не получилось.

От Брежнева за восемнадцать лет его правления: стабильность, уверенность в будущем.

Каждый на 100% был уверен – и мы с родителями тоже – ребёнок окончит школу, поступит в институт (понятно, если захочет), будет обеспечен

работой, бесплатно получит квартиру. Подтверждаю: всё так и было: и институт, и работа и даже три квартиры – в г. Вязники, в Ленинграде и в Кандалакше.

Плохое что? Дряхлость руководства: ЦК КПСС, правительства. Правительственные машины называли членовозами, нет, не в том смысле, а в смысле руки-ноги тех, кого возили, плохо двигались самостоятельно.

Об Андропове и Черненко – говорить нечего...

А потом пришёл Горбачёв, на него возлагали... Так многообещающее звучало: «перестройка», «гласность», что-то там с человеческим лицом. Но появился, как сейчас говорят, такой мем: ГЛСНСТЬ. И вместе с тем и сомнения.

И если Брежнев готовил страну к краху, то Горбачев завершил это.

И расширения НАТО на восток началось, благодаря Горбачёву. Горбачёв разрушил Берлинскую стену и НАТО попёрло!

От Горбачёва и Ельцина осталось чувство невосполнимой потери, чувство горечи.

Это всё, конечно, мои соображения.

Я когда-то провёл такую филологическую параллель: Лен-ИН - эпоха, Стал-ИН – эпоха, Путь-ИН то же думаю, учитывая то, что сейчас происходит в мире. Будем ждать. Не просто так эти «ИН»!

Что положительного? Но вы и сами сейчас живёте и всё видите и знаете или догадываетесь.

Вообще не умещается в сознании: идёт война, ну пусть СВО, наши ребята там гибнут, много чего не хватало, а генералитет Министерства обороны воровал сотнями миллионов! Воровали у бойцов, они хуже питались, у них некачественное обмундирование было, у них не доставало и не достаёт снарядов, БПЛА и всего, что с ними связано, народ с миру по нитке собирает деньги, для СВО, а они воруют, тащат. И не только генералы. Такое впечатление, что все воруют, кто при должностях, потому что часто арестовывают кого-то.

Ну, как так! Ведь Министерство обороны страны, правая рука Президента...

Но жить, конечно, стали лучше – в материальном плане.

ГОРА ВАРАГА

Погода по-прежнему хорошая, очень тепло. Аннушка предложила пойти на гору Варага. Почему так называется, неизвестно.

Шли туда через бывшую биржу – я писал о ней. Перешли канал, что по территории биржи идёт. Наверное, каналом плоты пиломатериалов

перемещали. Интересный канал – в просвет канала выходят его берега, плотно выложенные рейками разной толщины, досками, их торцы ясно видно. А на них насыпаны опилки. Поскольку это было много лет назад, то опилки, как говорится, покрылись «культурным» слоем, поросли травой, и берег стал плотным.

Вот этот канал и берег его.

Канал давно не используется, засорился, заилился, у арочных мостиков через канал скопились заторы из каких-то реек. Вода канала с неприятным запахом, цветёт.

Многие дороги засыпаны опилками, разными обрезками, с самого начала их. А тогда и нечем было засыпать, да и строительной техники не было на острове. А опилок – горы! Куда их девать? Сыпали под ноги, в огороды, в грядки. Опилки уходили в грунт, перегнивали, превращаясь в плодородную почву для посевов и посадок.

Тропинки, дорожки до сих пор мягко пружинят под ногами. Идёшь и чувствуешь отдачу земли. А если взять более глубоко и высоко: чувствуешь отдачу планеты Земля!

Наверное, если бы лесозавод работал сейчас, то из отходов можно было бы наладить производство ДСП – древесно-стружечной плиты. Покрыть ДСП шпоном – вот вам столярные плиты, а из них можно тут же, на месте мебель делать. Но тогда, конечно, это было маловероятным.

А сейчас – вон какие материалы продаются! Есть возможность (у кого есть возможность!) из любого строения конфетку сделать. Стены обшить

современными панелями, крыши – лёгким, красивым укрывным материалом. И дом, как игрушка сверкает! Вон, как у Аннушки и Андрея родительский дом – любо-дорого смотреть. Но, это и, действительно, дорого. Но любо!

Ну, ладно, пошли дальше на гору Варага. Вообще-то это не гора и не скала, это как бы несколько огромнейших валунов положенных друг на друга, заросших мхом, травой, полевыми цветами, кустарником. Из щелей между валунами выросли сосны, довольно приличной высоты!

Самый верхний валун – голый. Отсюда с макушки Вараги видны выход в открытое море и часть посёлка.

А большая часть его утопает буквально в зелени деревьев, даже крыш не видать.

Здесь вымахали огромные березы, высоченные раскидистые тополя, они и закрывают посёлок.

Посмотрели, полюбовались, да и пошли назад.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

По пути назад, Аннушка предложила зайти к Владимиру Ивановичу. Я уже упоминал о нём. Он незаменимый человек, как строительный мастер! У Андрея и Аннушки Владимир Иванович много чего построил, а сейчас новый

дом помогает строить. И на стройке, он скорее, как прораб, а рабочая сила – Андрей и его сын Андрей. Если есть необходимость, Андрей-младший зовёт друзей. Такие дела – помошь в делах – тут на раз!

Владимир Иванович мой ровесник, и я мог бы называть его Володя. Но из чувства уважения к его профессионализму зову по имени отчеству.

Владимир Иванович живёт один. Супруги не стало два года назад. К дому Владимира Ивановича мы шли по деревянным мосткам, сделанных из досок, толщиной шесть-восемь сантиметров, шириной – двадцать, длиной четырёх-пять метров. В каждом отрезке пять досок таких.

Когда-то давно эти доски были оставлены, брошены, забыты на месте биржи, лесозавода уже не было. Огромное количество досок. И люди брали их для своих нужд. И Владимир Иванович возил их своей тележкой с двумя высокими велосипедными колёсами.

Из досок Владимир Иванович и выложил свои мостки длиной в полкилометра. Доски уложены плотно на землю, совершенно не «играют» под ногами. Мастер стелил!

А ещё из этого материала Владимир Иванович выложил весь двор. Огромный двор весь застелен досками, можно босиком ходить!

На подворье несколько сараев, кладовок, крытых веранд. Всё это под одной крышей и на одном деревянном полу. Просто блеск!

Когда была жива супруга, у них были поросёнки, куры, козочка.

Теперь из живности у Владимира Ивановича голуби, воробы и белки. У белок своя полка под навесом, там для них угощения – орешки, семечки.

У голубей тоже известная им площадка во дворе. Владимир Иванович сыплет им крошки, в основном, иногда какое-то зерно, семечки подсолнуха. А воробы воруют и у белок, и у голубей. Схватит семечко, целиком не проглотить, вот и летит в укромное местечко, чтобы расклевывать. Да по пути часто роняют семечки и так засеяли весь огород. Там и там стоят теперь огромные подсолнухи! Владимир Иванович говорит, что сам семечки не сеял.

И ещё одна достопримечательность у Владимира Ивановича: растёт в огороде у забора большая яблоня с большими яблоками! Краснобокими и, говорят, вкусными. Для Севера это случай редкий, очень даже!

Мой дружок Даня с яблоками и мы с Владимиром Ивановичем под этой яблоней стоим.

Когда шли домой подумал: близко познакомились только с несколькими людьми - настоящими, добрыми, людьми широкой души и профессионалами. И наверняка и Надежда Ивановна, и Владимир Иванович – яркие представители жителей посёлка.

И хозяева нашего дома.

А наши милые Аннушка и Андрей с детьми - это вообще люди особые. Когда-то Я. Смеляков, говоря о коммунистах сказал: «Гвозди бы делать из этих людей!». А я переиначу слова поэта, говоря про Аннушку и Андрея: картины писать бы с этих людей! Картины из их семейной жизни, картины из их быта, отдыха. И вообще – жизни!

В ГОСТЯХ

Четырнадцатый день нашего пребывания, а кажется всего несколько дней и ничуть не надоело. Да разве может надоест? Этот воздух, этот лес, тишина, грибочки? Вон Алёна каждый день подкрепляется, вернее, лакомится черникой из леса.

Вчера ходили к Надежде Ивановне. Алёна привезла из Кандалакши большое полотенце и шарф для неё. Позвонил Аннушке, чтобы узнать, дома ли будет её тётушка завтра и попросил не говорить Надежде Ивановне, что мы придём. У неё последнее время давление высокое, будет готовиться к встрече, ни к чему ей лишние хлопоты.

Но как племяннице не предупредить тётушку? Конечно, сказала о нас.

И Надежда Ивановна расстаралась! Напекла плюшек, ватрушек-шанежек. Ну, я не отказывался: съел три плюшки и ватрушку. Ну, как откажешь себе? Дорвался!

Надежда Ивановна всех угощает, кто к ней приходит.

Дом у неё очень большой и потому тут и останавливаются паломники, что приезжают и приходят в часовню. Надежда Ивановна с открытой душой приглашает их.

А сегодня с утра были пять учёных, во дворе их резиновая лодка. Изучают какие-то процессы в Банном озере. Они уже уехали, но завтра вновь тут будут.

Надежда Ивановна и учёных угощала. Пять мужиков – ничего себе! На природе аппетит всегда хороший.

По большей части Надежда Ивановна одна в своём большом доме. Выручает её то, что местные жители обращаются к ней за медицинской помощью и днём, и ночью. Потому скучать некогда.

Постоянного врача тут нет. Доктора немолодые, с опытом уже определились, построили свою карьеру. Сюда не поедут. А молодым в такую глушь ехать стрёмно, хоть и хорошие подъёмные молодым докторам. Но боятся, нужно многое знать, разбираться в болезнях, практически, во всех врачебных специальностях.

Судя по тому, как подготовлены молодые специалисты, в поликлинике в Кандалакше, где мы с Алёной работали, подготовка у молодых не очень...

И сейчас таких романтиков, как в старом фильме «Коллеги», нет. Кстати, благодаря этому фильму я стал доктором.

Посидели мы втроём, поговорили, чаю попили и домой засобирались. Надежда Ивановна буквально слетала в подпол и хотела вручить нам четыре банки с грибочками. Но было неловко, грибов в этом году нет. С трудом отказались.

УТРОМ

Каждое утро меня встречают птицы. Чтобы толково рассказать о птицах, надо знать многое о них, изучать. А я – наблюдатель. Да нет, я же не наблюдаю за ними специально, а просто периодически их слушаю, смотрю. И вернее будет сказать – смотритель от слова смотреть, а не присматривать.

Вот и сейчас, когда я сижу у крыльца на утреннем солнышке со всех сторон слышу не песни, а вроде, как переговоры, вскрики и спереди из леса, и от озера, и слева из высоких берёз, растущих вдоль параллельной улицы. А в чистом утреннем воздухе все звуки слышно хорошо и далеко.

И вдруг слева на соседнем участке завели триммер – газонокосилку. Соседи вчера вечером вдруг приехали. И все птичий разговоры-переговоры пропали. И я вспомнил подобную историю, когда сидел в тундре у моря на околице села Чаваньга:

Закрою глаза и слышу:
Море прибоем шуршит,
Ветер траву колышет,
Тихонько река ворчит,
Ссорятся чайки с чирками,
Тяжко гудят шмели,
Тучки трутся боками,
Мухи жужжат у земли...
Так бы всё слушал и слушал.
Но вдруг – мотоцикл!
И всё разрушил...

Так и здесь, только не мотоцикл, а триммер. Он работал с натугой, потому что травы на забытой земле вымахали за лето по грудь. Для сорняков хоть дождь, хоть жара – всё в масть!

Через десять минут триммер умолк. То ли косильщик завтракать ушёл, то ли аппарат не выдержал напряжения, не справился с таким буйством трав. Ну и хорошо!

Сразу всё ожило вокруг. Из знакомых – утиные кряки с озера, сорочий треск, да ещё вороний карк. А остальные голоса – мимо!

Когда в первый раз шли по посёлку, издалека увидели на проводах ласточек! Я глазам своим не поверил!

Ласточек на проводах я видел сто лет назад, в бабушкиной деревне. И вдруг тут. А потом смотрю: ласточки на землю садятся. Но я знал, что они на землю не опускаются. А эти птички бегают по земле и хвостиками трясут. И расцветка не такая – ласточки чёрные, а эти бело-серые, хотя хвостик такой же: длинный и раздваивается периодически. Да это же трясогузки!

И глядя на усевшихся в плотный рядок на проводе трясогузок, вспомнил ещё одно стихотворение:

Прищепки бельевые на верёвке
Напоминают ласточек осенних,
Собравшихся в далёкую дорогу.
Но лишь одно отличье у прищепок:
Коль улетят, грустить об этом будет
Всего один лишь человек на свете –
Владелица верёвки бельевой.

А ещё вспомнил птиц, что видел постоянно у себя на даче: сойки, дрозды, клесты и маленькие серенькие птички, похожие на воробьёв – они весной чаще появляются – пуночки.

Сойки и дрозды – это воришки отпетые! Вовремя не укроешь сеткой – всю жимолость уворуют, клубнику самую спелую склюют, попортят, на землю посбивают.

К счастью, не любят смородину и малину. А клесты – это нормальные ребята, огородные урожаи не трогают. Как только начинает краснеть рябина, пара клестов-разведчиков прилетают выяснить виды на урожай. И если хорошие, значит, по первому морозцу и снежку прилетят и в момент обнесут все ягоды. Но очень уж неряшливы клесты: большую часть ягод обобают.

Особенно это заметно в городе. В Кандалакше у нас у дома росли рябины. После утреннего набега клестов, весь тротуар, усыпанный снежком, ещё не истоптанный первыми утренними прохожими, в кровавых каплях рябины.

Но рябина и в городе, и в лесу – это их природный корм.

А тут у нас интересная история с синичкой происходит. Участок обнесён штакетником. Штакетник держится на перекладинах, прикреплённым к столбикам из трубы-десятки, то есть десять сантиметров в диаметре. Две калитки у нас, одна на улицу, вторая к лесу.

Как-то раз Алёна заходит:

- Где фонарик? Там в трубе у второй калитки кто-то пищит.

- Наверное, мыши. Погоди, не ходи. Испугаешь светом.

Я тихонько подошёл к калитке, слышу: птенцы пищат. Только тронул калитку, она о трубу стукнула - замолчали.

Ничего себе! Как они попали туда? Гнездо там, что ли?

А потом увидели, что на перекладину возле трубы, села синичка, в клюве держала что-то. Головкой повертела по сторонам, как бы озираясь, а после нырнула в трубу. Через какое-то время вынырнула.

Значит, действительно, в трубе гнездо, а синичка-мама или синичка-папа деткам корм приносят. Но как они из трубы выбираются?

Наверное, в трубе постепенно накопился мусор, листья, иголки попадали туда, набралось почти до верха, и синичка на этом мусоре устроила гнездо, тем более, в доме никто не жил, было спокойно.

И ветер не дует, но труба же от дождя не укрывает, нагревается от солнца... Ну, наверное, синичка всё продумала. Чем всё закончилось, не знаю, вскоре мы уехали.

МЕГАФОН

Когда мы собирались ехать на Олений, нам сказали, что связь там работает, Интернет – тоже. Бук с собой я не стал брать, срочной работы не было, а для новостей, погоды, почту посмотреть – достаточно Айфона. А когда приехали, включил телефон – по нулям. Вообще тишина.

Оказалось, что в посёлке хорошо работает лишь «Мегафон». А у нас с Алёной «Билайн». К счастью завтра сюда должна приехать дочь Аннушки и Аннушка попросила её купить в Кандалакше хотя бы одну мегафоновскую sim-карту на пару недель.

И на следующий день симка была у меня, вставил в телефон и «заработало»!

Но через три дня получил сообщение от оператора, что нужно доплатить ещё триста пятьдесят рублей к тем четырёмстам пятидесяти, что уплачены за симку. Доплатил, но можно было только звонить, Интернет не подключался.

С трудом, через бота, добрался до живого оператора, объяснил. Оператор нашёл наш посёлок, нашёл нашу вышку, сказал, что вышка работает, что у меня услуги без ограничений, а, то, что у меня – это либо телефон мой глючит, либо симка. И ещё сказал, что передаст меня спецам. И всё. Сутки никто и ничего.

Я снова добрался до живого оператора, снова объяснил всё, что у меня тут происходит. И снова то же самое. В точности! И этот живой оператор нашёл вышку нашу, сказал, что со связью всё хорошо, а мои проблемы - либо с моим телефоном, либо с новой симкой. И тоже пообещал передать меня другим спецам. И исчез.

Вот такая или подобная вышка «Мегафона» связывала нас со всем миром. Так было ещё два раза и меня убеждали, что худо дело с телефоном, или симку надо менять. Я в это почти поверил, но решил в пятый раз позвонить в «Мегафон». Связался. Оператора звали Семён. Я как заведенный, в очередной раз рассказал Семёну о своей беде, сказал, что я сижу на берегу

Белого моря и что через три дня, 13.08.24 в тринадцать часов мы отсюда уезжаем.

Семён пропал секунд на сорок, потом вдруг включился и сказал:

- Хорошо! Интернет и связь у вас будет до тринадцати часов тринадцатого августа. После этого часа будете пользоваться Интернетом поминутно.

Так оно и было!

Весь мир для них всего лишь фон

И никуда не денешься...

А «МТС» и «МЕГАФОН»

Всё загребают денежки!

Оператор Семён, к Вам эти сроки не относятся! Вам спасибо!

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ, НО И ХЛЕБОМ ТОЖЕ!

Надо хотя бы вкратце рассказать о нашем питании-пропитании.

К еде у меня особое отношение. Со студенческих лет особое, с тех первых трёх курсов института, когда я постоянно хотел есть. И даже теперь у меня иногда из глубин подсознания выскакивает боязнь: не остаться бы голодным. Ну, в какой-то там ситуации.

Я не толстяк, не обжора, не гурман, пытаюсь без излишеств, как-то контролирую себя в вопросах питания, могу неплохо готовить... Но какой-то пунктник сидит там во мне, в глубине. И некоторый излишек веса приобрёл. Питание виновато, не я! Однако же, и возраст.

Собираясь сюда, я тоже думал о еде, мы взяли с собой пять банок тушёнки, баночку килек в томате, любимых мной тоже со студенчества.

Я узнал, что магазин в Лесозаводском работает непонятно как, ассортимент – так себе.

Потому и заехали по пути в «Магнит» да «Пятёрочку», загрузили четыре пакета.

А после выяснилось, что магазин – вполне себе! Всё необходимое есть. Даже совсем не необходимое – мороженное, халва. И арбузы привозили!

Картошки нет. Ну, понятно. Во-первых, у местных у всех растёт. А у Аннушки видели на участке: картошку, парники с огурцами, кабачки...

По таинственным законам,
Непонятным до сих пор,
Огурец растёт зелёный,
Рядом красный помидор.
Баклажаны синие
Рядом с жёлтой дынею,
А земля черным-черна,
А земля для всех одна!
Нет, дынь и баклажанов не было, не тот климат.
Так вот, картошка – это товар тяжёлый и дешёвый, то есть невыгодный.
Короче, всё было хорошо – с питанием. Повседневным. А потом оказалось,
что в повседневное питание периодически включалась вкусная выпечка
Аннушки и Надежды Ивановны.
Да и собственные завтраки и ужины.
Ну, как забыть такое?
Завтрак:
1-ое: яичница с грибами и помидорами;
2-ое: бутерброд с маслом и сёмгой (!!!), граммов четыреста сёмги Алёна из
Кандалакши привезла и мы её «размазали» на несколько раз;
3-е: бутерброд с маслом, сыром и чаем.
Ужин:
1-ое: треска жареная;

2-ое: бутерброд с беконом (это я из Петербурга захватил упаковку: тонко-тонко, до прозрачности нарезанный бекон. Чтобы почувствовать, что у тебя на языке, надо всю упаковку на хлеб выложить);

3-е: бутерброд с маслом, сыром и чаем.

Ну, каково? То-то я полтора килограмма лишних привёз на себе в Петербург!

Конечно, не каждый день, что вы! А в Петербурге таких обильных завтраков и ужинов не было, ни до поездки, ни после. В Петербурге я даже хлеб не ем. А там, на острове, наверное, боялся голодным остаться, боялся, что ту перемычку, что насыпали в 1972 году между островом и материком, размоет и останемся мы отрезанными от мира... Вот потому-то ел в запас.

Вырос животик

И это отрадно:

Жизни багаж мой

Видно наглядно!

ПЕЧКИ-ПЕЧЕЧКИ

Встаёт луна в ночи,
Два облачка в придачу.
Трещат дрова в печи,
Обогревая дачу.

Уже ушло тепло,
Морозец за окошком
Царапает стекло,
Как лапой, моя кошка.

Так пишется легко!
И я не жду рассвета,
И ты недалеко:
На расстоянье света –

От моего стола
Со свечкою оплывшей,
До твоего угла,
Тебя во тьме сокрываем.

Плывёт луна в ночи,
Потрескивает свечка,

Горят дрова в печи –
И пусть так будет вечно!.

Это я вспомнил опять свою дачу, свою печечку. Наверное, никогда не забуду... А «вечно», это, конечно, фигура речи! Я завою, от такой перспективы с моей деятельной натурой.

О дровяных печах я уже писал в прежних книжках. Особо стоит моя дачная.

Сначала мы её не любили. Печник её выложил довольно громоздкой, сделал широкую распушку. Такие широкие нужны тогда, когда печь топят долго и сильно. Между трубой и деревянным потолком делают расширение из кирпичей, чтобы кирпичи, пока тепло дойдёт до крайнего ряда, не нагревались.

А мы топили понемногу осенью и весной, а зимой мы вообще не появлялись на даче.

Такая распушка утяжеляет печь, она может осесть, тем более, почва у нас болотистая. Но наша печь осела всего лишь на пять сантиметров, благодаря надёжному фундаменту из камня, что я сделал.

Со временем мы печку полюбили. А печника зауважали, зауважали слегка, потому что дефекты в печи были, но, как говорится, на скорость это не влияло.

И сама печка и экран хорошо держали тепло, и она выстояла до нашего отъезда. Думаю, и после нас печка послужит следующим хозяевам.

У наших пяти ближайших дачных соседей с печками случились неприятности: у кого труба наклонилась, рискуя завалиться, у кого корпус печки дал трещину и дымил, у кого очень осела, ушла в грунт и потащила пол с собой. Короче, наши все соседи печи ремонтировали, перекладывали, а у соседей напротив печку мастер разобрал, да и исчез. Так они и топят теперь металлическую неудобную печку.

А наша всё стояла, лишь раз в году я чистил трубу, да щели задельивал между настилом и корпусом печки, всё выгорало там. Не мог я подобрать нормальную замазку. А Алёна белила печь тоже раз в году.

А ещё подробно я писал о поморских печах. Поморская печь – особая история.

Поморы в своих избах делали небольшие окна, низкие двери, при входе нагибаться приходилось. Это для того, чтобы тепло меньше выходило. Понятно, в общем.

А печи ставили, наоборот большими, чтобы тепла больше давали. И вся жизнь помора зимой сосредотачивалась вокруг печки.

Заходя в избу, они сразу шли к ней – руки погреть, рукавицы да пимы устраивали на просушку.

А уходили на мороз тоже от печки: надевали сухие тёплые рукавицы да обувку, и это долго грело их на морозе.

Потому и появилась пословица: танцевать от печки, то есть, начинать любое дело, отходя от неё.

А печники были великими мастерами-профессионалами. Печь должна быть экономной – потреблять мало дров, но отдавать много тепла.

Мастерство печников дошло и до наших дней.

Сейчас дома ставят без дровяных печей, есть различные варианты замены, а полы делают с подогревом.

На острове Олений в каждом доме стоят очень качественные печки, сделанные мастерами.

И такие же мастера ставили печи на острове Великий в домах лесничих.

И в нашем доме, где мы с Алёной сейчас живём, стоят подобные две. Такой дом только двумя печками можно обогреть.

Одной печью мы пользовались иногда: грели воду помыться в душевой кабине, да воздух в доме обновить. Нагретый воздух от экрана и от печки начинает циркулировать в доме. Вот она – аккуратная и мощная:

Для тех, кто не знает принцип работы печки. От горящих дров горячий воздух идёт в три колодца, что находятся в экране печки: вверх, вниз и по третьему колодцу снова вверх и в трубу уходит вместе с дымом. Экран нагревается и отдаёт тепло окружающему пространству.

Кроме того, тёплый воздух идёт от нагретого корпуса печки и от чугунного настила.

А особенность конструкции поморских печей в том, что они имеют двойной ход: горячий воздух идёт сначала под сводом, ударяется о заднюю стенку печки и возвращается назад уже над сводом и под настилом, ещё больше нагревается, и лишь после этого уходит в колодцы. Очерёдность колодцев при двойном ходе меняется.

Но весь секрет мастерства печника в том, что даже при двойном ходе воздуха, в печи очень хорошая тяга. И, когда разжигаешь печку, достаточно

под дровами поджечь клочок бумаги, от него загораются даже толстые дрова и через минуту – печка гудит! Потому что отличная тяга.

В моей дачной печке при розжиге надо было совершить целый ритуал: в пасти печки я укладывал бумагу, на неё мелкие лучинки, потом покрупнее, потом мелкие дрова, потом покрупнее. Затем через заднюю конфорку прожигал бумагой тягу в колодцы и лишь теперь зажигал бумагу в пасти печки.

Познакомившись на острове Великий с такими печами, я понял, что их клали МАСТЕРА. А нашу дачную печкуставил просто печник.

Вот сейчас допишу и затоплю нашу печку-печечку. Там всё уже готово. Я ёщё вчера хотел протопить, но был очень сильный ветер, нельзя. Мало ли искра из трубы вылетит, а везде деревянные постройки. В такую сушь всё может случиться.

А сегодня ветер стих. Можно топить. Только спички куда-то положил. Но у меня в запасе ёщё три коробка есть.

ПОХОД

Ходили мы на берег Белого моря к Красной Щели или к Краснощелью. Почему так называется, наши провожатые не знали.

А вообще Краснощелье – это село в самом центре Кольского полуострова, в Ловозерском районе. В Ловозерском районе я был, но до Краснощелья не доехал.

Инициатором похода была Надежда Ивановна, а потом и Аннушка присоединилась. Мы обрадовались такой возможности, потому что здесь на настоящем берегу Белого моря ёщё не были – море несколько далековато от посёлка, остров-то огромный!

Правда, мы с Андреем за треской ходили. Но там был причал, а на берег я как-то не обратил внимания. Да особо и не рассматривал.

Ёщё были у моря, когда на гору Варагу ходили через биржу. Но там – тоже не берег. Все засыпано обломками досок, реек и т.д. То есть берега, как такового нет.

А нам хотелось к настоящему берегу, с лесом, растущим на берегу, с камнями, водорослями.

И вот вышли. Начали путь от часовни.

У нас была сумка с бутербродами и бутылка с чаем. А Надежда Ивановна с Аннушкой пришли с рюкзаками, а у Надежды Ивановны была ёщё и сумка через плечо.

Я попытался что-то взять, помочь нести их груз. Обе категорически отказались от моей помощи.

Шли через посёлок второстепенной дорогой, а затем по лесной тропе. Немного заблудились, не на ту тропку свернули, потом шли по лесу, спотыкаясь о кочки, цепляясь ногами за брусничник. Ягод, кстати, на кустиках не было.

Аннушка быстро сориентировалась и вскоре вышли на нужную тропку. А там и к морю. И это было чудо!

Лес спускался почти к самому берегу, как мне и хотелось. На больших валунах сделан стол из толстых досок, вокруг лавки. Сюда часто приходят шашлыки затеять, ухи сварить.

А правее шёл каменный такой берег то из сплошных камней, то валуны на берегу. Я подошёл, остановился, сразу родной Кандалакшой пахнуло, берегом, что сразу за Монастырским наволоком. Я часто там был

Пейзаж мне этот далеко не нов,
Здесь годы пролегли мои и годы.
Стою на берегу средь валунов
И я, как достояние природы.
Ну, на фотографии – Алёна среди валунов – моё достояние!

Кстати немного похоже на Лобаниху – кордон на Великом. Там скальный берег из огромных, мощных и длинных камней, похожих на подводные лодки, выброшенные на берег. Особенно, когда смотришь на них снизу, во время отлива.

Это для сравнения берег Лобанихи и «каменные подлодки».

Похоже, правда? И чайка такая же стоит на песчаном берегу у воды.

Ох, нелёгкие у берега труды:

Сушу он берегает от воды,

А за это, отвечая головой,

На песке застыла чайка – часовой!

А подальше на берегу стоит вышка ЛЭП, на противоположном – вторая, и провода натянуты от одной к другой.

Под этими проводами мы с Андреем рыбачили.

Вернулся назад – дамы стол накрывают: готовят банкет на берегу, постелили скатерть, расставили посуду - тарелки, вилки, пару ножей, чашки. И столько вкусного! Овощной салат, из кабачков два блюда, котлеты, колбаса, сыр. Что-то ешё и конечно... Вы догадались? Ну, да! Пирожки, булочки – производство Надежды Ивановны. Ну и наши бутерброды с сыром и с маслом и сёмгой – сохранили для похода.

Сели к столу и налопались до отвала. Ну, до отвала – это я по себе сужу! Отвалиться от стола не было сил. Но всё-таки отвалился. Разложил три зонтика сушиться. Это Надежда Ивановна взяла три зонтика на случай дождя. К счастью случай не представился, но крышка термоса с чаем оказалась неплотно закрытой, и чай пролился, зонтики и рюкзак промокли. Вот я и раскрыл зонтики для сушки.

А потом появился пятый участник нашего уикэнда. Но он к столу даже не приблизился, он плавал в воде, высоко подняв усатую морду, смотрел во все глаза. Наверняка на оставшиеся пару бутеров с сёмгой!

Долго стоял на месте, смотрел, смотрел, потом медленно нырнул в море, показав своё большое тело.

Видать у тюленя аппетит разыгрался при виде нашего стола, вот он и уплыл покушать.

На дворе полярный день,
В море плавает тюлень,
Он в тепле прибрежных вод
Рыбу всякую найдёт,
Ту, что рядом и окрест.
Только камбалу не ест:
Очень рыбка широка,
Не влезают в рот бока!

Кстати в это же время в Кандалакшском заливе плавал морской великан – горбатый кит. Это редкий гость залива. Последний раз его видели там тринадцать лет назад. Зато киты-белухи – ежегодно заходят в Кандалакшский залив.

Вот они – красавицы беломорские!
А мы пошли прогуляться по берегу. Шли, перепрыгивая с камня на камень, поднялись на скалу поросшую соснами. Виды чудесные отсюда: море в обе стороны, противоположный берег, тоже лесом покрытый.
Вернулись к столу, долго пили чай, разговаривали. Надежда Ивановна спела две песни. Хороший голос, мелодичный. И громкий!
Аннушка рассказала, как год назад в посёлке праздновала свой юбилей. Ходили по улицам песни пели, на Вараге были, тоже пели.

Домой мы вернулись в половине четвертого пополудни. Шли пятьдесят минут, расстояние два километра. Для такого удовольствия, что получили от прогулки, два километра – не расстояние!

ЧТО ОСТАЛОСЬ

Я к своим сегодняшним годам (на ушко скажу: к семидесяти семи) много бывал где: от Прибалтики до южной Сибири, от Мурманска до Северного Казахстана.

Особо стоит сказать о жизни на лесных кордонах Кандалакшского госзаповедника – четырежды там был. А ещё жизнь в тундре.

А поход на атомном ледоколе к Земле Франца Иосифа, к макушке Земного Шара, к Северному полюсу?

Это путешествие длилось одиннадцать дней, но в памяти осталось, как один длинный, световой день! А это и происходило полярным днём, при незаходящем солнце.

И следующий поход на двух атомоходах по Северному морскому пути. Если путешествие к Северному полюсу – это был круиз, то по Севморпути – рабочий поход, и я имел возможность посмотреть в деталях проводку судов через льды.

О каждом из этих путешествий я написал книгу и не одну, и почти все они изданы.

Чем запомнилось каждое из этих путешествий? Глубоким проникновением в природу и природы в меня.

Особое впечатление осталось от жизни на острове Великий, на южном кордоне, на Лобанихе. Мы там были вдвоём с Алёной, и вместе с лесом и его обитателями жили одной жизнью, не мешая друг другу. Лоси и медведи ходили своими дорогами, мы своими. Иногда дороги пересекались, но не в одно время.

А рыси и росомахи жили ночью, а мы по ночам спали.

И вот там я впервые подумал о том, что только в природе человек волен, свободен и счастлив. И стал как-то иначе относиться к лесу, к деревьям. И это было здорово.

Домик лесничего, в котором мы жили, стоял в лесу и мы засыпали под шум огромных сосен. Иногда он прерывался стуком шишки о шифер на крыше. И это тоже было здорово. Это как бы лес говорил:

– Привет! Мы тут вместе.

Тут меню простое наше.

И никто не будет спорить:

Нет вкуснее манной каши –

Каши с видами на море.

Под сосною столик с лавкой,
Шишка в кашу вдруг свалилась,
Каша с шишкой – очень сладко!
Но горчинка появилась.

В домик наш открыты двери,
Рядом лес, как на рисунке,
А из леса смотрят звери,
Дружно сглатывая слюнки!

Целыми днями я пропадал на берегу или в лесу.
И здесь на острове Олений лес – вот он рядышком! И на улицах посёлка
всюду деревья, как лес!

Вообще нужно сказать, что жители очень бережно относятся к деревьям, растущим возле домов, на участках, к берёзам, к рябинам, даже к тополям и лесным жителям – ёлкам.

Казалось бы, часть деревьев можно убрать, чтобы они не затеняли участок или огородную зелень. На Севере климат отличается на солнце и в тени.

Но деревья здесь не убирают, даже подсаживают.

Мой добрый друг Рудольф Борисыч, если видел где-то ёлочку, растущую не на месте, он её пересаживал «на место», или приносил домой и сажал на участке. Сейчас уже пять больших ёлок там. Борисыча нет, а ёлки есть! Его ёлки!

И Андрюша с Аннушкой к деревьям относятся так же. Они посадили три кедрика. Сейчас это уже большие кедры вровень с коньком крыши.

Вот это и подтверждает мои мысли том, что мы с приРОДой – РОДня. Мы же однокоренные!

.....

Сегодня 13 августа, мы уезжаем.

Сегодня конец нашего пребывания здесь, однако, и начало нового витка моей жизни, теперь уже с памятью об острове Олений, о посёлке Лесозаводский, его жителях. О наших добрых друзьях Аннушке и Андрее.

Анна Рудольфовна, большое Вам спасибо за этот подарок! Низкий поклон Вашему замечательному супругу Андрею!

Надеемся, до встречи!

И в заключение. Мне, конечно, приходилось бывать на южных морях. Но когда возвращаешься оттуда, совсем не такие ощущения.

У НАС НА БЕЛОМ МОРЕ

Едут на Красное,
Едут на Чёрное,
На Средиземное едут моря.
А заповедные наши учёные
Крепко уверены: - Едут, а зря!

А возвратятся –
От пищи разморены,
От раскалённого солнцем песка...
То ли у нас: после Белого моря мы –
Ловки, бодры и живот, как доска!

Вот оно, синее Белое море! С юго-восточного тундрового берега Кольского полуострова.

СОДЕРЖАНИЕ

ХОЧУ ДОМОЙ!	2
В ПОЕЗДЕ	6
ДОРОГА	8
ПОГОДА В ДОМЕ	11
РЫБАЛКА	14
В ЧЕШУЕ ПО ПЛЕЧИ	19
МЕСТНЫЙ МАРКЕТ	21

ЗА ГРИБАМИ	25
ГОСТИ	28
ЛЕТО КОНЧАЕТСЯ?	30
ПОЗАБЫТЫЙ, ПОЗАБРОШЕННЫЙ!	33
ПРО ПИРОГИ	36
НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗВЕРЬ	38
СОЛНЦЕ, ЛЕС И ГРИБЫ	40
ДАЛЬНЕЕ ОЗЕРО	42
ПОСЁЛОК И ЖИТЕЛИ	45
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС	48
ГОРА ВАРАГА	50
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ	52
В ГОСТЯХ	55
УТРОМ	56
МЕГАФОН	58
НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ, НО И ХЛЕБОМ ТОЖЕ!	60
ПЕЧКИ-ПЕЧЕЧКИ	62
ПОХОД	65
ЧТО ОСТАЛОСЬ	69